

НОМЕР 124
АВГУСТ, 2025

ИННОВАЦИИ.

НАУКА.

ОБРАЗОВАНИЕ

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

Э40

Э40 Научный электронный журнал «Инновации. Наука. Образование \ Отв. ред. Сафронов А.И. – Тольятти: – 2025.– № 124 (август).– 76 с.– URL: <http://innovjourn.ru>

Журнал публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера по техническим, педагогическим, химическим, экономическим, физико-математическим, социологическим, историческим, психологическим, философским, филологическим, юридическим наукам и архитектуре.

Все статьи журнала рецензируются.

Журнал индексируется в российских и международных базах цитирования: Elibrary, Research Bible, Google Scholar, Scientific Indexing Services и Polska bibliografia naukowa.

Договор с Elibrary: №185-03/2015 от 26.03.2015 г.

ISSN 2687-1068.

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

© Научный журнал «Инновации. Наука. Образование», 2015-2025

Содержание

Юридические науки

Окунькова Т.А.	
Уголовная ответственность за взяточничество: теория и практика реализации.....	5

Юдина М.М.	
Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд	14

Зинин Н.В.	
Административные наказания: понятие, виды и проблемы реализации	18

Экономические науки

Карибаев А.С.	
Влияние субсидирования малого и среднего бизнеса (МСБ) на налоговые поступления в Казахстане.....	24

Вершков А.В.	
Определение трендов технологического развития при помощи объектов интеллектуальной собственности	33

Сагындыков Нурдаулет	
Роль искусственного интеллекта в повышении эффективности бизнес-аналитики и управленческих решений	43

Политологические науки

Галеева М.Н.	
Санкции США в отношении Ирана: причины, цели, результаты.....	52

Филологические науки

Губенкова А.А.	
Психологический анализ персонажей в рассказе Кэт Манкселл «Чашка чая»	54

Губенкова А.А.	
Творчество Тупака Шакура как лингвистический и социальный инструмент борьбы с дискриминацией афроамериканцев	58

Педагогические науки

Чжуан Хаотянь.....	
Специфика обучения дирижеров народно-инструментальных оркестров Китая	21

Философские науки

Балабанов Т.А.	
Феномен несогласия с наличествующим миром: экзистенциально-философский анализ ...	21

Юридические науки

Окунькова Татьяна Алексеевна

Студент

Московский финансово – промышленный университет «Синергия»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Данная работа посвящена комплексному исследованию уголовной ответственности за взяточничество, одной из наиболее опасных форм коррупции, подрывающих основы государственного управления и экономического развития. В работе анализируются теоретические аспекты определения взяточничества, его виды и квалифицирующие признаки в контексте современного уголовного законодательства. Проводится подробный анализ объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 и 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также выявляются проблемные вопросы, возникающие в процессе квалификации. Особое внимание уделяется разграничению взяточничества со смежными составами преступлений, такими как злоупотребление должностными полномочиями и коммерческий подкуп. На основе анализа судебной практики исследуются основные тенденции и проблемы применения уголовного законодательства о взяточничестве, выявляются типичные ошибки и недостатки, допускаемые правоприменителями. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия взяточничеству, направленные на повышение эффективности уголовного преследования и предупреждения коррупционных преступлений. Работа представляет интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для сотрудников правоохранительных органов и всех, кто интересуется проблемами противодействия коррупции.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, уголовная ответственность, должностное лицо, взятка, квалификация, судебная практика, противодействие коррупции.

Key words: bribery, corruption, criminal liability, official, bribe, qualification, judicial practice, combating corruption.

Взятка, как форма коррупционного поведения, получает различные дефиниции и трактовки в научной литературе, что обусловлено многоаспектностью данного феномена и его влиянием на функционирование государственных институтов и правопорядка.

В рамках современной юридической науки термин "взятничество" не обладает универсальным определением, что обуславливает активные дискуссии среди специалистов в области уголовного права. Отсутствие единой концептуальной рамки для данного понятия затрудняет применение уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с коррупцией, и не позволяет адекватно дифференцировать взятничество от других коррупционных деяний.

Проблема уголовной ответственности за взятничество в российской правовой системе занимает устойчиво важное положение, оставаясь одним из наиболее острых и социально опасных явлений, способных подрывать устои государственности, нарушать принцип законности, снижать эффективность управления и разрушать доверие граждан к власти. Актуальность темы обусловлена как масштабом распространённости коррупционных проявлений, так и сложностью выстраивания эффективной модели пресечения данных преступлений, в рамках которой уголовно-правовой механизм не теряет ни своей строгости, ни обоснованности. Современное состояние антикоррупционной политики демонстрирует необходимость глубокого переосмысления не только методов уголовного преследования, но и подходов к системной профилактике коррупционного поведения, в котором взятничество выступает одной из центральных форм.

С правовой точки зрения взятничество в России охватывается системой норм, сконцентрированных в главе 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно в статьях, предусматривающих ответственность за получение взятки, её дачу, посредничество, а также так называемое мелкое взятничество. Однако формальное наличие таких норм не исключает целого комплекса проблем, связанных с их реализацией. Одна из главных трудностей заключается в высокой латентности этих преступлений, поскольку сама их природа предполагает заинтересованность всех участников в сохранении конфиденциальности. В отличие от иных форм преступной деятельности, где может быть внешний свидетель, в делах о взятничестве доказательства чаще всего строятся на признательных показаниях, оперативно-розыскных мероприятиях или зафиксированных фактах передачи денежных средств.

На практике реализация уголовной ответственности за взяточничество сопровождается рядом противоречий. С одной стороны, государство ужесточает санкции, вводит конфискацию имущества, расширяет возможности применения институтов оперативного контроля. С другой стороны, именно сложность доказывания умысла, а также нюансировка размера взятки и формы её передачи создают риски как необоснованного обвинения, так и ухода от ответственности по формальным основаниям. Это особенно проявляется в тех случаях, когда взятка маскируется под дарение, премию, оплату услуг или иные внешне правомерные действия. Таким образом, пограничность между административной и уголовной плоскостью квалификации требует высокой юридической точности и доказательной дисциплины, которую не всегда удаётся обеспечить в реальных условиях.

Отдельного внимания заслуживает вопрос соразмерности наказания. Уголовный кодекс предусматривает широкий диапазон санкций, от штрафов в кратном размере до реального лишения свободы, включая конфискацию имущества и лишение права занимать должности. Однако правоприменительная практика демонстрирует, что даже при наличии тяжести совершённого деяния суды зачастую склонны применять условные сроки, что нередко воспринимается обществом как проявление избирательного правосудия. Это порождает опасную ситуацию, при которой сама угроза наказания теряет сдерживающий эффект. При этом в делах о получении взятки, в отличие от дачи, уголовное преследование воспринимается как вмешательство в сферу публичного управления, что требует повышенного уровня доказанности и прозрачности.

Примечательно, что законодательство в последние годы ориентируется на усиление профилактического потенциала. В частности, закон «О противодействии коррупции» закрепляет обязанность должностных лиц сообщать о попытках склонения к получению взятки, а также вводит запреты на принятие подарков, участие в управлении коммерческими организациями и иные действия, могущие привести к конфликту интересов. Эти нормы создают дополнительную основу для того, чтобы предупредить реализацию состава преступления ещё до момента фактической передачи незаконного вознаграждения. Однако на практике контроль за исполнением этих обязанностей зачастую носит формальный характер, ограничиваясь внутренними проверками и декларациями, не имеющими доказательной силы в рамках уголовного процесса.

С точки зрения теории уголовного права, взяточничество как состав преступления характеризуется объектом, посягающим не только на интересы государственной службы,

но и на общие принципы правопорядка. Это означает, что общественная опасность данного деяния связана не столько с конкретной суммой незаконного вознаграждения, сколько с подрывом авторитета государственной власти, нарушением равного доступа к административным процедурам и дискредитацией самой идеи государственной службы. В этой связи эффективная реализация уголовной ответственности требует не только доказательства материального аспекта преступления, но и установления цели, связанной с получением или предоставлением преимуществ во власти.

Практика показывает, что наиболее результативные дела о взяточничестве раскрываются при наличии оперативных мероприятий — в том числе, прослушивания, визуального наблюдения, моделирования ситуаций с контролируемой передачей предмета взятки. При этом немалую роль играет сотрудничество со следствием, когда один из участников преступления предоставляет исчерпывающую информацию в обмен на смягчение наказания. Однако такая стратегия допустима только при строгом соблюдении процессуальных гарантий, поскольку ошибки или давление могут поставить под сомнение законность всего уголовного преследования. В этом аспекте актуализируется вопрос правовой грамотности как самих должностных лиц, так и граждан, вовлечённых в административные отношения.

Современное развитие общества и государства невозможно без устойчивого функционирования публичной власти, основанной на принципах законности, справедливости и подотчётности. Однако на практике эти принципы нередко оказываются под угрозой из-за распространения коррупционных проявлений, наиболее опасной формой которых по-прежнему остаётся взяточничество. Эта проблема давно вышла за рамки внутреннего управленческого вопроса и превратилась в системную угрозу, подрывающую экономическую стабильность, легитимность правовых институтов и доверие граждан к государству.

В последние годы усиление антикоррупционной политики стало важнейшим направлением как на национальном, так и на международном уровне. Страны, стремящиеся к интеграции в глобальные правовые и экономические процессы, неизбежно сталкиваются с необходимостью повышения прозрачности административных процедур и устранения почвы для злоупотреблений. В этих условиях взяточничество рассматривается не просто как уголовно наказуемое деяние, а как фактор, формирующий барьеры для экономического роста, препятствующий честной конкуренции, ухудшающий инвестиционный климат. Особенно значимо это для государств с развивающейся правовой

системой, где формирование эффективной модели ответственности за коррупционные преступления часто сопровождается сложностями институционального характера.

В России борьба с взяточничеством входит в число приоритетов государственной политики. Это находит отражение как в правовой доктрине, так и в текущей законотворческой практике. Однако, несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы и широкий спектр предусмотренных санкций, проблема сохраняет свою остроту. Статистика уголовных дел, связанных с получением и дачей взятки, показывает, что такие преступления продолжают носить устойчивый, а в ряде случаев — латентный характер. Это свидетельствует о том, что одного лишь усиления ответственности недостаточно. Требуется переосмысление механизмов выявления, доказывания и предупреждения взяточничества как социально-правового феномена, глубоко укоренённого в административных и экономических практиках.

В условиях, когда эффективность государственного управления напрямую зависит от честности и неподкупности должностных лиц, любое проявление взяточничества превращается в угрозу общественному доверию. Граждане ожидают, что решения, принимаемые представителями власти, основываются на объективных критериях и правовых нормах, а не на скрытых материальных мотивах. Нарушение этой основы рождает ощущение несправедливости, а также формирует у населения склонность к правовому нигилизму и самоисключению из политико-правовой сферы. Именно поэтому уголовная ответственность за взяточничество должна восприниматься не просто как карательная мера, а как важнейший механизм защиты социального доверия и справедливости в государстве.

Вопрос актуальности этой ответственности тесно связан и с тем, что современное взяточничество всё реже принимает примитивные формы прямой передачи денег. Оно становится всё более изощрённым, приобретает завуалированные формы: от фиктивных договоров и "благодарственных платежей" до использования третьих лиц или посреднических структур. Это усложняет как процесс доказывания, так и процедуру привлечения к ответственности. Уголовное преследование таких преступлений требует не только квалифицированного следствия, но и комплексного подхода, включающего правовую аналитику, экономическую экспертизу и межведомственное взаимодействие.

Дополнительную значимость теме придаёт и то обстоятельство, что российское уголовное законодательство в сфере борьбы со взяточничеством продолжает развиваться. Вносятся изменения в квалификационные признаки составов, расширяется применение

мер уголовно-правового характера, совершенствуется практика назначения наказания. Эти трансформации требуют научного осмысления и практического анализа, особенно в части соответствия выбранной модели ответственности принципам справедливости, соразмерности и эффективности.

Необходимо также учитывать международный контекст. Россия является участницей Конвенции ООН против коррупции, а также других международных соглашений, в рамках которых государство обязуется предпринимать конкретные шаги по предупреждению и пресечению взяточничества. Эти обязательства накладывают дополнительные требования к точности, полноте и прозрачности уголовно-правового регулирования. Соответственно, анализ действующей модели уголовной ответственности и её реализация в правоприменительной практике становятся не только внутренним правовым вопросом, но и частью международной репутации страны как правового государства.

Таким образом, актуальность темы уголовной ответственности за взяточничество не подлежит сомнению. Она определяется не только частотой встречаемости этих преступлений, но и глубиной их воздействия на структуру публичной власти, правосознание граждан и уровень правовой культуры в целом. Решение проблемы требует системного подхода, в котором уголовная ответственность выступает как один из ключевых элементов, но не может быть единственным инструментом. Её эффективность зависит от согласованности всех правовых и управленческих механизмов, от качества правоприменения и от уровня доверия общества к справедливости и объективности принимаемых государством мер.

В завершение следует подчеркнуть, что уголовная ответственность за взяточничество — это не только мера репрессии, но и важный элемент предупреждения, демонстрирующий нетерпимость государства к коррупционным практикам. Эффективность этой ответственности зависит от того, насколько согласованы нормы, правоприменительная практика и профилактические меры. При всей строгости санкций важно сохранить правовую предсказуемость и справедливость, чтобы борьба с коррупцией не превращалась в формальный процесс, а оставалась подлинным инструментом укрепления правопорядка.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ //

Российская газета. – 1996. – № 114.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249.

3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – № 266.

4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 18.

5. Алексеева, М. А. Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество / М. А. Алексеева // Проблемы становления гражданского общества : Сборник статей Международной научной студенческой конференции. В 2-х частях, Иркутск, 22 марта 2024 года. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – С. 131-136.

6. Альбрант, А. А. Проблемы уголовной ответственности за взяточничество / А. А. Альбрант, Е. В. Никульченкова // Интеллектуальный потенциал Сибири : Сборник научных трудов 31-ой Региональной научной студенческой конференции: в 7 частях, Новосибирск, 22–26 мая 2023 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023. – С. 5-9.

7. Апкаев, Д. М. К вопросу о понятии взяточничества в уголовном праве / Д. М. Апкаев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2024. – № 1(39). – С. 59-65.

8. Белов, Ф. О. Особенности квалификации и проблемы привлечения к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в Российской Федерации / Ф. О. Белов // Вестник магистратуры. – 2024. – № 1-3(148). – С. 36-39.

9. Борков, В. Н. Квалификация фальсификации сотрудниками оперативных подразделений незаконного оборота наркотических средств / В. Н. Борков // Наркоконтроль. – 2024. – № 2. – С. 12-16.

10. Ведерникова, А. А. Уголовно-правовая характеристика получения взятки / А. А. Ведерникова, Е. С. Минеева // Исследовательский проект года 2024 : сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 02 декабря 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. – С. 148-156.

11. Волчкова, А. А. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве / А. А. Волчкова // Актуальные проблемы противодействия коррупции в

современных условиях: теория и практика: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20 декабря 2023 года. – Нижний Новгород: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 28-33.

12. Газизов, Т. И. Актуальные вопросы по выявлению преступлений предусмотренной статья 290 УК РФ / Т. И. Газизов // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 2(90). – С. 6-9.

13. Горбачев, Ю. А. Исторический аспект становления уголовной ответственности за получение взятки / Ю. А. Горбачев // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы : Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках VI Международного юридического форума "Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития", Новосибирск, 15 мая 2024 года. – Новосибирск-Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 45-51.

14. Гришин, Д. А. Криминализация мелкого взяточничества в российском уголовном праве / Д. А. Гришин, И. Н. Р. Дидыч, А. А. Бердюгина // Всероссийский научный форум студентов и учащихся - 2024 : сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 18 декабря 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. – С. 153-160.

15. Гуменюк, В. В. проблемные аспекты уголовно-правовой квалификации взяточничества / В. В. Гуменюк // Юность и Знания - Гарантия Успеха - 2024 : сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции : в 3 т., Курск, 19–20 сентября 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 66-72.

16. Духовник, Ю. Е. «размер взятки» как признак дифференциации уголовной ответственности за взяточничество / Ю. Е. Духовник // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. – 2023. – № 3. – С. 149-152.

17. Ермолин, В. В. Уголовная ответственность за взяточничество: теория и практика реализации / В. В. Ермолин // Актуальные вопросы современной науки в условиях цифровизации : сборник научных трудов. – Смоленск : Б. и., 2023. – С. 138-141.

18. Жестков, К. В. Уголовная ответственность за мелкое взяточничество : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жестков Кирилл Вадимович, 2023. – 204 с.

19. Житков, А. А. К вопросу об установлении уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество / А. А. Житков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. – № 4. – С. 139-146.
20. Зимогляд, А. В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / А. В. Зимогляд // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей : Материалы XVII Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 22–23 марта 2023 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2023. – С. 115-117.
21. Ибрянова, Е. И. Субъективная сторона взяточничества / Е. И. Ибрянова // Актуальные проблемы и достижения региональных экономических систем : Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 19–20 апреля 2023 года. – Ставрополь: ООО "СЕКВОЙЯ", 2023. – С. 89-91.
22. Ивашкин, Н. С. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией в международном праве / Н. С. Ивашкин // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 269-274.
23. Кистанова, М. А. Проблемы определения уголовной ответственности за взяточничество / М. А. Кистанова // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества : сборник научных статей по материалам VI Национальной заочной научно-практической конференции, Ставрополь, 21 декабря 2023 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2024. – С. 33-36.

Юдина Мария Михайловна

Магистрант

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования

"Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд, анализируются основные проблемы, выявленные судебной практикой за последние годы, а также предлагаются пути совершенствования законодательства. Работа направлена на выявление ключевых аспектов, определяющих специфику этих обязательственных отношений, и имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Ключевые слова: договор поставки, особенности договора поставки.

Key words: supply contract, features of supply contract.

Договор поставки для государственных и муниципальных нужд занимает важное место в системе гражданско-правовых договоров, поскольку напрямую связан с реализацией государственных функций и обеспечением потребностей бюджетных учреждений. В отличие от обычного договора поставки, он регулируется не только нормами Гражданского кодекса РФ, но и специальным законодательством, включая Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Основная часть: Ключевая особенность договора поставки для государственных нужд заключается в том, что он предполагает участие не только поставщика и покупателя, но и государственного или муниципального заказчика. Это влечёт за собой более сложную процедуру заключения договора, включая проведение конкурсных процедур или аукционов. Кроме того, такие договоры связаны с жёстким регулированием сроков исполнения, условий поставки, качества товаров и штрафных санкций.

В процессе анализа договора о поставке продукции для государственных и муниципальных нужд необходимо уделить пристальное внимание определению

государственного контракта на поставку. В соответствии с положениями статьи 526 Гражданского кодекса Российской Федерации, в рамках государственного и муниципального контракта поставщик обязуется передать товар государственному заказчику или, по его поручению, иному лицу. В свою очередь, государственный заказчик обязан обеспечить оплату поставленного товара.

Основными нормативными актами, регулирующими процесс организации государственных и муниципальных закупок, являются Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федеральный закон от 18 июня 2018 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Первый закон регламентирует процедуру осуществления закупок для государственных организаций, находящихся в полной собственности государства. Второй закон устанавливает порядок проведения закупок для предприятий, в которых доля государственного участия составляет 50 % и более.

Государственные и муниципальные контракты представляют собой особую форму договоров купли-продажи, которая характеризуется рядом ключевых отличий от других видов договоров:

- в качестве заказчиков выступают органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Поставщиком-продавцом по договору поставки товаров для государственных или муниципальных нужд является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность;

- наименование договора - это государственный или муниципальный контракт, который оформляется в соответствии с государственным заказом, формируемым в установленном порядке;

- ключевым инструментом организации закупок товаров для государственных и муниципальных нужд является проведение открытых торгов (конкурсов);

- оплата по контрактам производится в пределах лимитов бюджетных обязательств, за исключением случаев, предусмотренных п. 3 ст. 72 Бюджетного кодекса РФ.

При анализе договоров важно разграничивать существенные и несущественные условия. Существенные условия, являющиеся обязательными для заключения договора,

определяются законом или соглашением сторон; их отсутствие влечет недействительность договора. Несущественные условия на действительность договора не влияют.

Для того чтобы договор имел юридическую силу, в нём должны быть чётко сформулированы ключевые условия. В договоре поставки ключевыми положениями являются:

- предмет договора;
- цена договора;
- наименование товара;
- количество;
- срок поставки;
- срок оплаты по договору;
- порядок оплаты по договору;
- ответственность сторон.

Судебная практика последних лет показывает, что основные проблемы исполнения данных договоров связаны с несоблюдением сроков, односторонним отказом от исполнения обязательств и несогласованностью условий. Например, Верховный Суд РФ неоднократно указывал на то, что расторжение или изменение условий договора возможно только при наличии веских оснований, а поставщик и заказчик обязаны строго соблюдать условия, зафиксированные в контракте.

Анализируя материалы арбитражных судов, можно выделить типичные ошибки сторон: недостаточная детализация условий договора, отсутствие чёткого графика поставки, нарушения процедуры приемки товаров. Решение данных проблем возможно через повышение юридической грамотности участников торгов, а также улучшение качества подготовки конкурсной документации.

Заключение:

Таким образом, договор поставки для государственных и муниципальных нужд — это сложный и многогранный инструмент правового регулирования, требующий внимательного подхода как с позиции составления, так и исполнения. В целях повышения эффективности таких договоров необходимо продолжить совершенствование законодательной базы и обеспечить широкое распространение судебной практики, способной служить ориентиром для всех участников контрактной системы

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. От 24.06.2025) , ст. 506-522.

2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в редакции от 16.04.2022. URL :

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102164547>.

3. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. Р.А. Курбанова, Т.В., Т.В. Дерюгиной, А.Н. Кузбагарова; под общ. Ред. Н.Д. Эриашвили, А.В. Тумакова. – 7-е изд.перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.- (Серия «Dura lex, sed lex»). ISBN 978-5-238-03687-8. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=436900#ant>

Зинин Николай Викторович

Магистрант

Частное учреждение высшего образования

«Московская академия предпринимательства»

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Данная статья представляет собой исследование в области определения сущности понятия «административное наказание», определения основных признаков административных наказаний, изучения порядка их применения и видов административных наказаний.

Ключевые слова: административное наказание, санкция, административное правонарушение, административная ответственность, государство.

Key words: Administrative punishment, sanction, administrative offense, administrative responsibility, state.

Административные наказания играют роль эффективных инструментов регулирования поведения граждан и формирования общественного сознания. Они представляют собой государственные санкции, направленные на защиту правопорядка и профилактику правонарушений на территории страны. Согласно мнению учёных-правоведов Л.Л. Попова и М.С. Студеникиной, административное наказание выступает формой юридической ответственности, несущей чётко определённый объём правовых последствий, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Таким образом, данная мера выражает официальную оценку противоправных деяний и способствует укреплению законности в обществе.

Актуальность изучения административных наказаний и их видов состоит в стремлении к более успешной борьбе с преступлениями и правонарушениями. Одной из приоритетных задач законодательства во все времена остаётся предупреждение повторных нарушений. Достижение этой цели требует глубокого понимания эффективности действующих санкций, их влияния на поведение граждан и выявления путей совершенствования законодательных норм.

Административные наказания являются одним из видов административно - принудительных мер [1, с. 262] Кроме того, административное наказание –это определенная мера ответственности, которая несёт определенный объем правовой нагрузки, строго регламентированный Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации [2, с. 245]. Здесь находит своё выражение оценка неправомерности действий или бездействий, которая характеризуется административными правонарушениями.

Понятие «административного наказания» даётся законодателем в статье 3.1. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации: Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Содержание административного наказания заключается в принудительных мероприятиях, которые включают обременение виновного лица дополнительными обязанностями или ограничение его свобод и прав, влекущие неблагоприятные последствия для лица, привлекаемого к административной ответственности. Суть наказания – это кара, то есть: определенное возмездие за неблагоприятное социальное поведение, которая имеет своей целью-предупреждение совершения новых правонарушений [3,с. 371].

Из данного выше определения можно выделить признаки, которые будут раскрывать понятие административного наказания:

Только государство может устанавливать административное наказание как меру ответственности;

Административное наказание применяется исключительно за совершение административного правонарушения;

Административное наказание - это санкция, влекущая за собой лишение или ограничение прав и свобод правонарушителя;

Административное наказание применяется к лицу, которое признано виновным в административном правонарушении;

Административное наказание не может затрагивать третьих лиц и их интересы, а так же носит исключительно личный характер.

Стоит обратить внимание на то, что основным источником административного

права является Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, который появился относительно недавно, а именно в 2002 году. До этого вопросы, связанные с назначением административных наказаний, регулировались Кодексом РСФСР об административных правонарушениях, появившемся 20 июня в 1984 году.

Наказания издавна использовались человечеством для предупреждения общественно опасных поступков путём внушения страха перед последствиями нарушения законов. Не исключение и российский Кодекс об административных правонарушениях, главная задача которого — предотвратить новые проступки как лицами, ранее привлекаемыми к административной ответственности, так и теми, кто ещё не нарушал закон. Накладывая взыскание за нарушение, государство демонстрирует обществу возможные последствия аналогичных незаконных действий или бездействия.

Содержание административных наказаний как мер административной ответственности можно определить через цели административных наказаний. В статье 3.1. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации сказано, что административное наказание «применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.»

Пункт 1 статьи 3.2. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [4] представляет собой перечень видов административных наказаний.

К административным наказаниям относится: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства; дисквалификация; административное приостановление деятельности; обязательные работы; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.

При назначении административных наказаний учитываются пределы, определенные нормативными актами, предусматривающими ответственность за административные правонарушения. Данным нормативным актам должно быть свойственно не противоречит Кодексу об Административных правонарушениях.

Принципы административных наказаний представляют конкретизацию общих правил назначения административных наказаний. В качестве основных принципов можно выделить: принцип равенства перед законом, принцип презумпции невиновности,

принцип законности, принцип индивидуализации ответственности с учётом характера правонарушения и личности нарушителя:

Принцип равенства перед законом.

Все лица, совершившие административное правонарушение, равны перед законом.

Принцип презумпции невиновности.

К административной ответственности и к административному наказанию должны привлекаться только те лица, в отношении которых установлена их вина.

Принцип законности.

При рассмотрении административного правонарушения орган или должностное лицо могут назначить только то наказание и санкцию, которые установлены законодательным актом, учитывая при этом пределы своей компетенции.

Принцип индивидуализации административных наказаний.

При рассмотрении административного правонарушения и назначении наказания за него, должен учитываться характер правонарушения, личность и степень вины правонарушителя, его имущественное положение, и обстоятельства, которые смягчают и отягощают юридическую ответственность.

В Кодексе об Административных правонарушениях Российской Федерации приводится перечень оснований, по которым можно индивидуализировать характеристику личности при назначении административного наказания, к которым относятся: возраст, пол, наличие гражданства, род занятий, служебное положение, должностное положение, состояние здоровья.

При привлечении к административной ответственности юридических лиц должны учитываться характер совершенного административного правонарушения, имущественное и финансовое положение юридического лица, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность [5, с. 578].

Если же говорить о сроках давности, то под сроком давности привлечения к административной ответственности стоит понимать месяц и год (календарный месяц и календарный год). Началом давностного срока считается день совершения административного правонарушения, а истекает же давностный срок в 24 часа последних суток установленного срока.

Для длящегося административного правонарушения сроки исчисляются со дня обнаружения административного правонарушения.

Институт административного наказания играет ключевую роль не только в структуре административного права, но и в функционировании самого государства. История возникновения и эволюции административных наказаний неразрывно связана с развитием общественных отношений и институтов власти. Для успешного выполнения возложенных на них задач административные наказания должны отвечать ряду важнейших условий. Во-первых, они обязаны формироваться и осуществляться исключительно на основании государственных актов, будучи четко урегулированными нормами действующего законодательства. Во-вторых, применение административных наказаний должно носить универсальный характер, распространяя свое действие на всех членов общества без исключения, руководствуясь принципами равенства и справедливости. Только соблюдение этих основополагающих правил позволит административным наказаниям эффективно исполнять свои регулятивные функции, укрепляя стабильность и справедливость в социуме.

Литература:

1. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации. Учебник для бакалавров. М: РГ – Пресс, 2013. – 262 с.
2. Попов Л.Л., Студеникина М.С. Административное право. Учебник. М: Норма, 2016. – 245 с.
3. Душакова Л.А., Чепурнова Н.М. Административное право. Учебно-методический комплекс. М: ЕАИО, 2008. 371 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Российская газета, 31.12.2001, № 256.
5. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. Учебник. М: Норма, 2008. 578 с.

Экономические науки

Карибаев Аманжол Сайдувалиевич

Магистрант программы EMBA

Университет Нархоз

ВЛИЯНИЕ СУБСИДИРОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА (МСБ) НА НАЛОГОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: В статье исследуется влияние государственных субсидий малому и среднему бизнесу (МСБ) на налоговые поступления в Казахстане в контексте оценки фискальной эффективности. Актуальность обусловлена тем, что доля МСБ в ВВП Казахстана по итогам 2023 года составила 36,8%, а в занятости – 44,5% [1]. При этом эффективность бюджетных расходов в условиях дефицита бюджета вызывает всё больше вопросов.

Проанализированы динамика налоговых поступлений от МСБ и объемы государственной поддержки за 2018–2023 гг., проведён обзор зарубежного опыта и предложена методология расчёта эффективности субсидирования на основе ROI (Return on Investment) и additionality. Используются методы регрессионного анализа и difference-in-differences (DiD) для выявления чистого эффекта субсидий. Полученные результаты показывают, что прирост налоговых поступлений от субсидируемых МСБ в среднем отстаёт от роста объёмов поддержки: при увеличении субсидий на ~15% прирост налогов составил лишь ~5% [2].

Обнаружены методологические ограничения действующей оценки эффективности: включение базовых налоговых поступлений и отсутствие дифференциации по отраслям и регионам. В статье предлагается усовершенствованная система оценки, ориентированная на дополнительную, окупаемость и результативность. Сделан вывод о необходимости внедрения единой цифровой платформы мониторинга и более адресного отбора получателей субсидий.

Ключевые слова: малый и средний бизнес; субсидии; налоговые поступления; фискальная эффективность; дополнительность; ROI; Казахстан.

Keywords: small and medium business; subsidies; tax revenues; fiscal efficiency; additionality; ROI; Kazakhstan.

Введение. Малый и средний бизнес (МСБ) играет всё более важную роль в экономике Казахстана. По данным Комитета по статистике МНЭ РК, по итогам 2023 года МСБ обеспечивал 36,8% ВВП и 44,5% занятости [1]. Государство активно поддерживает данный сектор через программы субсидирования, включая флагманскую программу "Дорожная карта бизнеса 2025".

Считается, что такая поддержка способствует росту деловой активности, расширению занятости и, как следствие, увеличению налоговых поступлений. Однако несмотря на рост бюджетных ассигнований, налоговые доходы от МСБ не демонстрируют сопоставимого увеличения. Например, за 2018–2023 годы общий объем субсидий вырос на 15%, тогда как налоговые поступления – лишь на 5% [2].

По данным Международного валютного фонда, в 2023 году дефицит бюджета РК составил около 2,8% ВВП, а по состоянию на сентябрь 2024 года налоговые поступления достигли лишь 60,5% годового плана [3]. Эти обстоятельства диктуют необходимость переосмысления эффективности господдержки МСБ.

Цель настоящего исследования – оценить фискальную эффективность субсидирования МСБ в Казахстане и разработать рекомендации по совершенствованию критериев и методов оценки. В рамках цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить существующую систему поддержки малых и средних предприятий и показатели её результативности;
2. Исследовать изменения налоговых поступлений от малого и среднего бизнеса и объемы помощи в период с 2018 по 2023 годы;
3. Сделать обзор литературы как отечественного, так и зарубежного происхождения;
4. Использовать регрессионный анализ и метод разности в разностях;
5. Создать различные методы для оценки результативности.

Объектом данного исследования является система государственной помощи малому и среднему бизнесу в Казахстане на протяжении 2018–2023 годов. Предметом является влияние, которое оказывают выделенные субсидии на налоговые поступления от данного сектора, а также способы их оценки.

Теоретическую основу составляют концепции дополнительности, возврата инвестиций и методы анализа фискальной эффективности. Практическая ценность заключается в способности

использовать полученные выводы и рекомендации для изменения государственной политики, направленной на поддержку малых и средних предприятий.

Обзор литературы и международного опыта

Казахстанские исследования

Внутренние источники обычно выделяют роль малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте, уровне занятости и количестве компаний. В отчетах Министерства национальной экономики Республики Казахстан и фонда «Даму» указывается, что программы субсидирования способствовали увеличению числа зарегистрированных субъектов МСБ. Тем не менее, влияние на бюджетные показатели, особенно на увеличение налоговых поступлений, остается недостаточно изученным. В научных статьях чаще встречается описательный анализ, в то время как количественная оценка бюджетной эффективности появляется редко.

Международные исследования

В странах ОЭСР и ЕС вопросы фискальной эффективности субсидирования МСП исследуются гораздо глубже. Bergström (2000) на шведских данных показал положительное влияние субсидий на рост фирм, но при этом не выявил значимого эффекта на производительность [5]. Зунига (2024) в исследовании стран со средним уровнем дохода отмечает низкий коэффициент дополнителности ($additionality < 1$) – то есть на каждый доллар госфинансирования приходится менее одного доллара новых частных инвестиций [6].

В литературе фиксируются случаи эффекта crowding-out – вытеснения частных инвестиций за счёт господдержки [7]. Например, в ряде развивающихся стран субсидии заменяли, а не дополняли частные расходы предприятий, снижая долгосрочную результативность. Вместе с тем, правильно структурированные субсидии могут оказывать значительный эффект с задержкой во времени: стимулируя вход новых фирм, они обеспечивают рост выручки и налогооблагаемой базы через 2–3 года после предоставления поддержки [8].

Концепции эффективности. Широко используются показатели ROI и *additionality*. ROI (Return on Investment) для бюджета рассчитывается как отношение дополнительных налогов к объему субсидий:

$$ROI = \Delta T / S$$

где ΔT – прирост налогов, S – сумма субсидии.

Additionality отражает прирост показателей (выручки, налогов и пр.) у получателей субсидий по сравнению с гипотетическим сценарием без господдержки. Многие страны дополняют эти показатели мультипликативными эффектами: рост занятости, локализация производства и инвестиций в инновации [9].

Следовательно, мировая практика подтверждает потребность в переходе от простых метрик (к примеру, +10% роста налогов) к многоуровневой системе оценки результативности, которая включает ROI, дополнительность и задержанные эффекты. Для Казахстана это имеет особую значимость в условиях фискального давления и нехватки ресурсов.

Методология исследования

Дизайн и методы. Данное исследование основывается на численных подходах для оценки влияния субсидий на налоговые доходы от малого и среднего бизнеса. Главные средства анализа:

Регрессионный анализ с применением модели множественной линейной регрессии вида:

$$TAX_t = \alpha + \beta_1 SUBSIDY_t + \beta_2 GDP_t + \beta_3 INF_t + \epsilon_t$$

2. **Метод разности в разницах (Difference-in-Differences, DiD):**

$$DiD = (YT_1 - YT_0) - (YC_1 - YC_0)$$

3. **Расчёт ROI и периода окупаемости:**

$$ROI = \Delta TS, \text{Токуп} = \Delta T_{\text{год}}$$

Источники данных

- Отчёты КГД, МНЭ РК, фонд «Даму»;
- Статистика ВВП и инфляции (БНС);
- Данные МВФ, ЕБРР, ОЭСР;

Анализ данных. Анализ собранных данных за период 2018–2023 годов свидетельствует о том, что с увеличением объёма поддержки малого и среднего бизнеса на около 15% (с 20 миллиардов до 23 миллиардов тенге) налоговые поступления возросли лишь на приблизительно 5% (с 150 миллиардов до 157,5 миллиардов тенге) [2]. Сравнение индексной динамики показывает значительный разрыв между увеличением поддержки и результатами.

При пересчёте на постоянные цены с учётом инфляции темпы роста налоговых поступлений оказываются ещё более низкими. Это свидетельствует о стагнации реальной налоговой базы при увеличении государственных вливаний. По расчётам, коэффициент

бюджетного возврата не превышает 0,3 (приблизительно 0,3 тенге налогов на каждый тенге субсидий).

Регрессионная модель продемонстрировала слабую положительную корреляцию между суммами субсидий и налоговыми поступлениями при низком уровне статистической значимости ($p > 0,1$). Эластичность составила 0,12, что означает, что увеличение субсидий на 10% приводит к повышению налогов в среднем примерно на 1,2%. Использование метода DiD на различных секторах подтвердило, что влияние субсидий проявляется с задержкой и, как правило, становится заметным спустя 2–3 года. Анализ производственного и торгового секторов показал значительные отличия: в первом секторе ROI составил приблизительно 0,8, тогда как во втором - менее 0,4. Это подчеркивает важность учета отраслевых различий при оценке программ.

Обсуждение результатов. Полученные данные подтверждают предположение о том, что существующая программа поддержки малого и среднего бизнеса в Казахстане демонстрирует низкую фискальную результативность. Увеличение налоговых поступлений отстает от роста государственного финансирования, тогда как метод оценки эффективности занижает реальное понимание возврата инвестиций.

Сравнение с международными стандартами показывает, что Казахстан, как и много других стран с умеренным уровнем дохода, испытывает проблему недостаточной дополнительной предоставляемых субсидий. В таких экономиках доминируют отрасли с низкой добавленной стоимостью, значительной долей теневого сектора и недостаточной эффективностью налогового администрирования. Это сдерживает возможности возврата бюджетных средств через налоги.

Положительные примеры из Восточной Европы и стран ЕС демонстрируют эффективность в налоговых стимулах и целевых программ помощи. К примеру, в Польше и Чехии предусмотрена система налоговых вычетов для малых и средних предприятий, а также гранты с жесткими отчетными требованиями. В Великобритании и Германии субсидии связаны с технической поддержкой, цифровым мониторингом и имеют срок действия, а также конкретные направления.

В России в 2025 году объемы субсидирования МСБ уменьшились на 43% по сравнению с предыдущим годом из-за недостаточной эффективности этих мер. Это подчеркивает глобальную тенденцию к переходу от массового субсидирования к более

избирательным и целенаправленным формам поддержки. Казахстану важно учесть опыт таких подходов и адаптировать свою политику с акцентом на целенаправленность и контроль.

Одна из главных проблем в Казахстане заключается в формальном подходе к критериям результативности. Например, рост налоговых поступлений на 10% за два года может быть достигнут благодаря инфляции или единоразовому увеличению доходов, что не отражает системного влияния. Международные институты, включая ЕБРР и МВФ, советуют использовать комплексные индикаторы: ROI, дополнительность, устойчивость налоговых эффектов и занятости.

Также следует учитывать временной разрыв между получением субсидий и появлением фискальных результатов. Эффективность необходимо оценивать не только в течение двух лет, но и на более долгий срок (3-5 лет), особенно для производственных и инновационных малых и средних предприятий.

Значительным потенциалом для повышения эффективности является внедрение цифровых платформ мониторинга, которые объединяют информацию о доходах, налогах, занятости и целевом использовании субсидий. Это предоставит возможность проводить автоматические аудиты и своевременно обнаруживать случаи неэффективного использования государственной поддержки.

Кроме того, важно учитывать поведенческие факторы: стимулы для предпринимателей, институциональные условия и административные трудности. Увеличение прозрачности, обязательства по результатам и стимулирующих условий (например, бонусы за рост налоговых поступлений) могут повысить отдачу от поддержки.

Таким образом, данные выводы подчеркивают необходимость всесторонней реформы системы субсидирования с акцентом на эффективность, долгосрочные результаты и целенаправленность.

Заключение. Проведённый анализ выявил, что действующая система финансовой помощи малому и среднему бизнесу в Казахстане нуждается в тщательной переоценке, особенно в контексте её фискальной эффективности. Несмотря на увеличение бюджетных затрат, налоговые поступления остаются на низком уровне, а коэффициент возврата инвестиций чаще всего ниже единицы. Это говорит о неэффективном использовании государственных ресурсов и отсутствии индивидуального подхода при выборе бенефициаров.

Основные гипотезы были подтверждены: текущие методы оценки переоценивают результативность, не учитывая эффект дополненности, особенности отрасли и временные отставания. Опыт других стран демонстрирует значимость применения инструментов ROI и дополненности, а также необходимость более строгих мер при оценке эффективности оказываемой поддержки.

Практическая значимость полученных результатов заключается в разработке основ для пересмотра критериев оценки эффективности и внедрения новых методов для анализа возвратности субсидий. Это поможет повысить уровень прозрачности, подотчётности и целенаправленности государственной помощи.

Направления для дальнейшего исследования включают изучение секторальных мультипликаторов, реакций бизнеса на поддержку, а также реализацию систем цифрового мониторинга с элементами предсказательной аналитики.

Рекомендации

В соответствии с выполненным исследованием и обнаруженными трудностями, данная работа предлагает такие пути для улучшения государственной политики в области субсидирования малых и средних предприятий в Казахстане:

1) Пересмотр критериев оценки эффективности

- Изменить текущий формальный показатель (+10% роста налогов за два года) на более значимые критерии: возврат на инвестиции, дополненность, период окупаемости субсидий;
- Принимать во внимание лишь увеличение налогов сверхбазового уровня (вместо общего объёма);
- Ввести ключевые показатели эффективности с учётом различий в результатах по отраслям и регионам.

2) Внедрение цифрового мониторинга

- Создать единую цифровую платформу с интеграцией данных от КГД, фонда «Даму», МНЭ РК, налоговых и финансовых органов;
- Обеспечить отслеживание целевого использования субсидий в режиме реального времени;
- Пилотировать внедрение технологий распределённого реестра (например, блокчейн) для повышения прозрачности [13].

3) Повышение адресности и предварительного отбора

- Ужесточить критерии отбора получателей: налоговая история, отсутствие задолженности, подтвержденная рентабельность проекта;
- Приоритезировать производственные и инновационные сектора с высоким потенциалом мультипликативного эффекта;
- Ввести рейтинг надежности бенефициаров на основе налоговой и финансовой отчетности.

4) Разнообразие инструментов поддержки

- Расширить использование косвенных инструментов: налоговые вычеты, гарантийное кредитование, гранты на инновации;
- Сократить долю прямых субсидий и перенаправить ресурсы в стимулирующие и возвратные формы поддержки;
- Привязать объем поддержки к достигнутым результатам (performance-based financing).

5) Региональный и отраслевой подход

- Учесть специфику регионов: в депрессивных зонах субсидии сочетать с мерами развития инфраструктуры и рынков;
- Для торговых и сервисных секторов использовать инструменты не прямой поддержки (доступ к рынкам, снижение барьеров);
- В производственных секторах увеличить продолжительность и объемы субсидий при наличии положительной динамики.

6) Поддержка добросовестного поведения

- Создать стимулы для «обеления»: преимущества за увеличение безналичных расчетов, налоговые поощрения за рост числа работающих;
- Вводить штрафные меры за невыполнение заявленных целей (например, возврат части полученных субсидий).

7) Научно-аналитическое сопровождение

- Установить взаимодействие между государственными учреждениями, научными учреждениями и университетами для периодической оценки программ;
- Осуществлять анализ микроданных при помощи эконометрических методов (DiD, PSM, панельные регрессии);

- Выпускать открытые отчёты, содержащие результаты эффективности программ, включая примеры удачных и неудачных кейсов.

Внедрение предложенных советов позволит увеличить эффективность использования каждого тенге государственной помощи, гарантировать открытость и надзор, а также содействовать развитию именно тех фирм, которые могут оказать влияние на экономику и налоговую систему страны.

Литература:

1. Комитет по статистике МНЭ РК. (2024). Основные показатели деятельности субъектов МСБ за 2023 год. <https://stat.gov.kz>
2. Фонд «Даму». (2024). Отчёт о реализации программ субсидирования. <https://damu.kz>
3. Министерство финансов РК. (2024). Исполнение государственного бюджета за 9 месяцев 2024 года. <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin>
4. Агентство по стратегическому планированию и реформам. (2023). Национальный доклад о развитии МСБ. <https://strategy2050.kz>
5. Bergström, F. (2000). Capital Subsidies and the Performance of Firms. *Small Business Economics*, 14(3), 183–193.
6. Zúñiga, M. (2024). State Aid and Investment Additionality in Middle-Income Countries. *World Bank Policy Research Working Paper Series*.
7. Aghion, P., & Tirole, J. (1997). Formal and Real Authority in Organizations. *Journal of Political Economy*, 105(1), 1–29.
8. OECD. (2019). Evaluation of SME Policies and Programmes. <https://www.oecd.org/cfe/smes>
9. European Commission. (2020). Better Regulation Toolbox. Chapter 11: Evaluating Existing Interventions. <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation>
10. IMF. (2023). Kazakhstan: Fiscal Monitor Report. <https://www.imf.org>
11. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). (2022). Country Diagnostic Report – Kazakhstan. <https://www.ebrd.com>
12. Сулейменова, Л. (2022). Роль субсидий в поддержке МСБ в Казахстане. *Экономика и статистика*, (2), 35–42.
13. OECD. (2023). Good Practice Principles for Subsidy Design. <https://www.oecd.org>

Вершков Анатолий Валентинович

Доцент

Сибирский федеральный университет

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРЕНДОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИ ПОМОЩИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: В работе предложена методика анализа трендов технологического развития с использованием объектов интеллектуальной собственности, а именно патентов на изобретение.

Методика состоит из нескольких этапов. На первом этапе отбираются страны, получившие наибольшее количество патентов за сравниваемый период. На втором в выбранных странах анализируется количество патентов в высокотехнологичных областях (разделы F, G, H согласно Международной патентной классификации). На третьем заключительном этапе с использованием такого инструмента патентной аналитики как патентный ландшафт определяются технологические тренды в соответствии с поставленной задачей.

Ключевые слова: технологические тренды, объекты интеллектуальной собственности, патентная активность.

Key words: technological trends, intellectual property objects, patent activity.

Технологические тренды — это «актуальные и потенциально перспективные направления развития технологии в какой-либо области» [9].

Отслеживание технологических трендов очень важная задача с практической точки зрения. Так, например, в работе отмечается, что «в условиях ускорения технологического прогресса и сокращения продолжительности инновационного цикла встает задача выявления и систематического мониторинга трендов, способных оказать значительное влияние на долгосрочное социально-экономическое развитие» [7]. Отслеживание тенденций технологического развития необходимо руководителям предприятий для своевременного принятия стратегических решений в ответ на технологические изменения, инвесторам для принятия решений по инвестированию, предпринимателям для выбора

направлений деятельности, студентам для выбора перспективных направлений собственной профессиональной деятельности и др.

В целом, суммируя данные приведенные в литературных источниках [10-12] приведем наиболее часто встречающиеся качественные и количественные методы анализа технологических трендов. Это:

- обзор литературы (профильных научно-технических изданий);
- оценка динамики в области исследований и разработок, и инвестиций;
- интервью с экспертами;
- Форсайт – методы;
- разработка сценариев;
- опросы населения;
- обзор источников (отчеты);
- статистический анализ (патенты, научные публикации);
- анализ данных в Интернете;
- сбор и обобщение экспертных оценок (дорожные карты);
- краудсорсинг идей (глобальная экспертная сеть);
- анализ экспорта высоких технологий;
- анализ валового внутреннего продукта.

Из приведенного списка очевидно, что методики анализа технологических трендов достаточно многочисленны и разнообразны. Условно методы можно разделить на качественные и количественные. Как отмечается в работе [11] «современные подходы к технологическому мониторингу предполагают синтез качественных и количественных методов при возрастающей роли последних» То есть количественные методы выглядят предпочтительнее в силу меньшего влияния субъективного фактора. Среди количественных методов выделим метод анализа трендов по количеству выданных патентов. Сошлемся на работу В.Г. Зинова и Г.В. Эрлиха, в которой авторы пишут: «Оценивать уровень технологического развития стран можно по-разному. Однако есть хороший критерий, применимый ко всем государствам, — количество патентов или заявок, поданных на получение патентов в течение года, а также их содержание. Мировые базы патентов дают широкие возможности для анализа, поскольку содержат полную, если не исчерпывающую информацию. Полную потому, что каждый патент обязательно публикуется, чтобы быть доступным в любой точке мира» [3]

Принимая во внимание изложенные аргументы, для дальнейшего анализа нами был выбран метод анализа технологических трендов, основанный на анализе количества поданных заявок или выданных. В работе предложена методика анализа технологических трендов с использованием объектов интеллектуальной собственности.

Для исследования патентной активности используются индикаторы патентной активности. Индикаторы делятся на абсолютные и относительные.

К наиболее часто используемым индикаторам относятся

а) абсолютные индикаторы показывают общее количество заявок на ОИС, поданные резидентами и нерезидентами в стране или количество патентов, выданных в стране

К ним относятся

- количество поданных заявок на изобретения (полезные модели, промышленные образцы);

б) количество выданных патентов на изобретения (полезные модели, промышленные образцы).

Относительные показатели:

а) количество поданных заявок на изобретения, отнесенные к 10000 граждан страны;

б) количество выданных патентов, отнесенные к 100000 граждан страны.

Для целей нашего исследования по нашему мнению целесообразно использовать абсолютные индикаторы патентной активности, поскольку именно они дают общее количество полученных каждой страной патентов. Относительные показатели характеризуют эффективности изобретательской деятельности в стране и более пригодны для сравнения патентной активности стран. Для анализа можно пользоваться как числом поданных заявок на ОИС, так и количеством выданных патентов, причем последний более предпочтителен. Безусловно количественные цифры будут разными, но вряд ли повлияют на тенденции.

Обсуждение результатов.

Предлагаемая нами методика включает три этапа.

На первом этапе с целью выявления лидеров мирового экономического развития в анализируется общее число патентов (заявок), поданных резидентами анализируемых стран. В результате получаем рейтинг стран, имеющих наибольшее число поданных патентов. В таблице 1 приведены результаты по количеству патентных заявок, поданных в 10 ведущих патентных ведомств. Результаты взяты за 2020 г.

Таблица 1. Патентные заявки, полученные 10 ведущими ведомствами в 2020 году

Номер п/п	Страна	Количество выданных патентов
1	Китай	1497159
2	США	597172
3	Япония	288472
4	Республика Корея	226750
5	ЕПВ	180346
6	Германия	62105
7	Индия	56771
8	Российская Федерация	34984
9	Канада	34565
10.	Австралия	29294

Источник: по данным работы [5]

Количество поданных заявок или число выданных патентов демонстрирует патентную активность в странах. Очевидно, что чем больше подано заявок или выдано патентов, тем патентная активность выше. и тем выше ее экономическое развитие. Например, согласно данным, приведенным в таблице 1 в 2020 г. среди первых десяти стран, лидирующих в мировых рейтингах по количеству поданных патентных заявок, лидирует с большим отрывом Китай, далее США, Япония, Южная Корея, Германия, Индия, Канада, Австралия. В этом списке на 8 месте находится Российская Федерация [5] Необходимо отметить Китай, который подал почти половину от общего количества заявок, поданных всеми странами мира (рис. 1).

Дополнительную информацию по развитию экономической активности стран мира может дать анализ патентных заявок, поданных по системе РСТ. Эта активность вызвана, прежде всего, выходом стран-заявителей на международные рынки с высокотехнологичными товарами и услугами.

На рисунке 2 представлены данные по результатам 10 ведущих ведомств стран мира за 2020 г. На первом месте в списке стоит Китай, обогнавший США и демонстрирующий значительные темпы прироста числа заявок. Достижения Китая объясняют значительным увеличением финансирования в области инновационной деятельности и внимание, уделяемой патентованию инноваций [6].

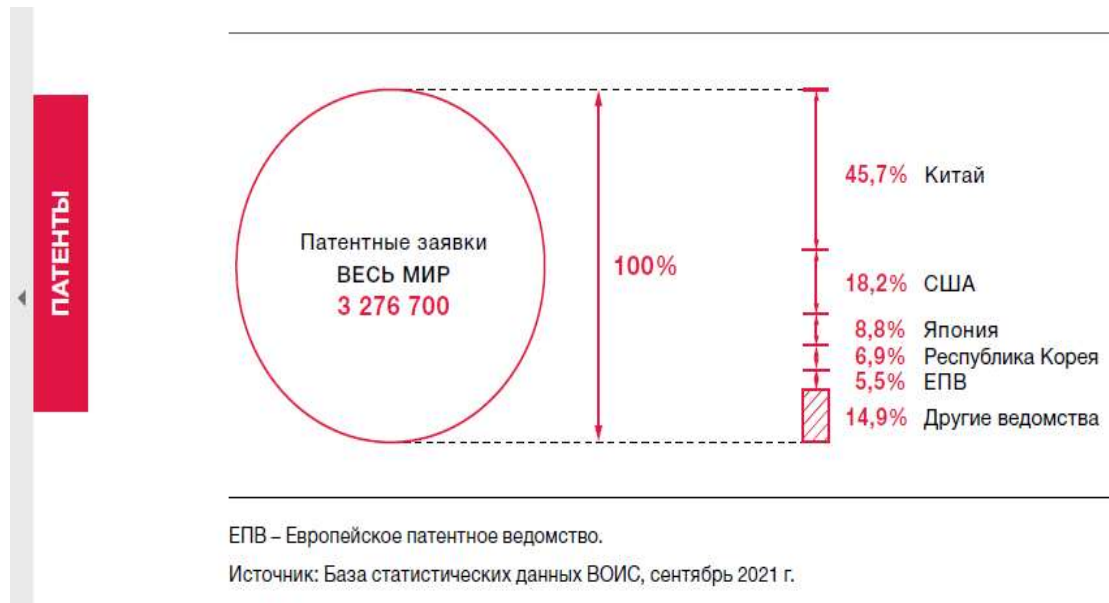

Рис.1 Процентная доля ведущих ведомств в общем числе патентных заявок в 2020 г.

Источник: по данным работы [5]

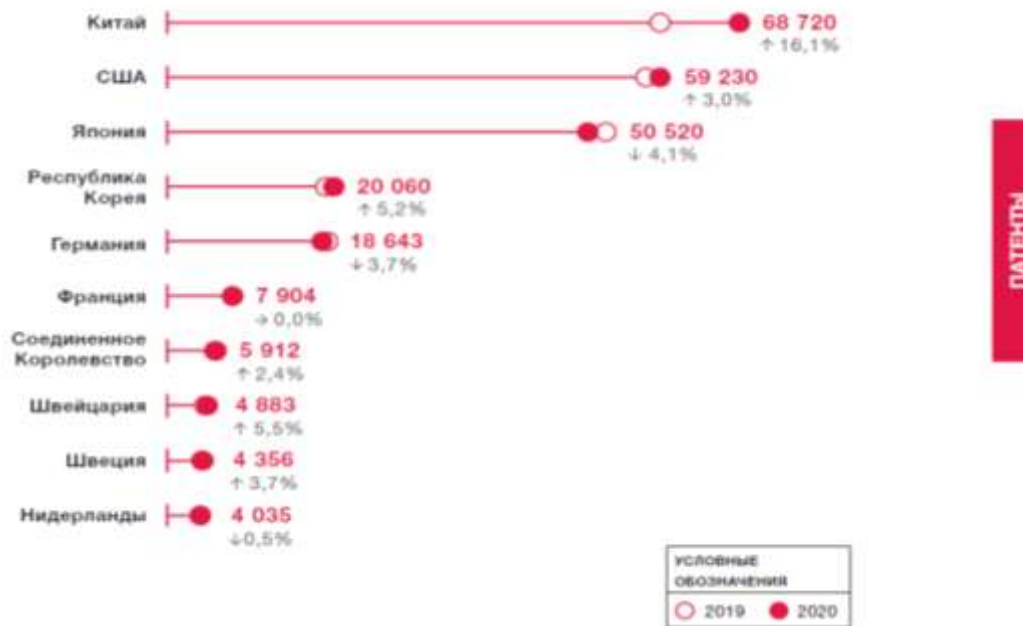

Рисунок 2. Количество патентов, полученных странами по системе РСТ

Источник: по данным в работе [5]

В то же время в России наблюдается отрицательная динамика подаваемых РСТ – заявок и их доля в общем количестве национальных заявок не превышает 2,15%. По данным ФИПО Россия в 2017 г. находилась на 23 месте в мире по количеству подаваемых РСТ – заявок. (905 ед.).

Таблица 2 . Количество выданных патентов в 2020 г.

Номер п/п	Страна	Количество выданных патентов
1	Китай	68720
2	США	59230
3	Япония	50520
4	Республика Корея	20060
5	Германия	18643
6	Франция	7904
7	Великобритания	5913
8	Швейцария	4883
9	Швеция	4356
10	Нидерланды	4035

Источник: составлено по данным работы [5].

Основными причинами низкого уровня патентной активности российских заявителей за рубежом, по данным работы [13], являются:

- дефицит финансовых средств у российских заявителей в сочетании с высокими затратами на зарубежное патентование;
- отсутствием в штате большинства компаний (особенно малых и средних) узкоквалифицированных специалистов со знанием зарубежного патентного законодательства с навыками ведения делопроизводства по зарубежным заявкам.

Однако, как справедливо отмечает Федотова, «большое количество заявок на изобретение не является предпосылкой экономического роста. В принципе нельзя устанавливать прямой зависимости между уровнем экономического развития государства и количеством действующих на его территории патентов на изобретение»[1]. Прямая корреляция между количеством выданных патентов и экономическим ростом отсутствует. Важно рассмотреть не только количество, но и качество выданных патентов. Поэтому на втором этапе исследования предлагается проанализировать качество поданных заявок или выданных патентов. Это можно сделать, рассматривая направления, по которым подаются заявки и выдаются патенты на ОИС. Здесь облегчить работу поможет использование Международной патентной классификации (МПК).

МПК, созданная в соответствии со Страсбургским соглашением и вступившая в силу в 1975 г. охватывает все области знаний, объекты которых могут подлежать защите патентами на изобретение и предусматривает единую классификацию патентных документов.

МПК разделена на 8 разделов (верхний уровень иерархии классификации), приведенные в табл.3.

Таблица 3 – Разделы Международной патентной классификации

Номер п/п	Раздел	Область знаний
1	A	Удовлетворение жизненных потребностей человека
2	B	Различные технологические процессы; транспортирование
3	C	Химия; Металлургия;
4	D	текстиль, Бумага
5	E	Строительство и горное дело
6	F	Машиностроение; освещение; отопление; оружие и боеприпасы
7	G	Физика
8	H	Электричество

В приведенной в табл.3 классификации к высокотехнологичным областям, определяющим научно-технологический прогресс, относятся к разделам G и H. Об этом, в частности, пишет в своей работе Е.И. Федотова [1].

Согласно приведенным в литературе данным по патентной документации, большинство ведущих зарубежных стран (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания) отдают предпочтение отраслям с высокими наукоемкими технологиями (классы «G» и «H»). Эти наиболее престижные классы занимают в данных странах первые места в то время, как в России они занимают соответственно 4-е и 6-е места. Большинство заявок, подаваемых российскими резидентами, по официальным данным ВОИС, относятся к сфере пищевой химии [11].

В результате в работе сделан вывод, что в целом инновационная активность крупных российских компаний – например, топ-игроков нефтегазовой, автомобилестроительной, авиационной промышленности продолжает оставаться на низком уровне, а значит, не

приходится ожидать от этих компаний и активности на рынке интеллектуальной собственности, что нельзя связывать только с западными санкциями [4].

Для примера посмотрим данные исследования, проведенные «НБК – групп», [8] сравнившие патентную активность США и России. Лидирующими направлениями патентной активности в России, являются следующие направления (классы МПК): класс А – 23%, класс В - 19% и класс С – 17%. Патентная активность США дает следующие результаты: класс G – 24%, класс H – 20% и класс В – 18%. Анализ приоритетных направлений патентования в США показывает, что, в отличие от России, ставка в этой стране делается на развитие фундаментальных исследований и ориентацию на высокотехнологичные области экономики. В России же, подобный принцип развития пока только формируется.

На третьем заключительном этапе определяем тренды технологического развития стран - технологических лидеров. Очевидно, что любая, даже самая богатая страна мира не в состоянии финансировать все возможные направления технологического развития. Поэтому каждая страна специализируется на определенных отраслях, демонстрируя их отраслевое преимущество. Некоторые результаты приведены на рис.4.

Как следует из данных, приведенных на рис.3, заявители из Китая (8,6% всех опубликованных заявок) и США (11,8% заявок) подали наибольшее количество заявок в области компьютерной техники, заявители из Японии (10%) и Республики Корея (8,5%) в области электрооборудования, а заявители из Германии (10,6%) в области транспорта.

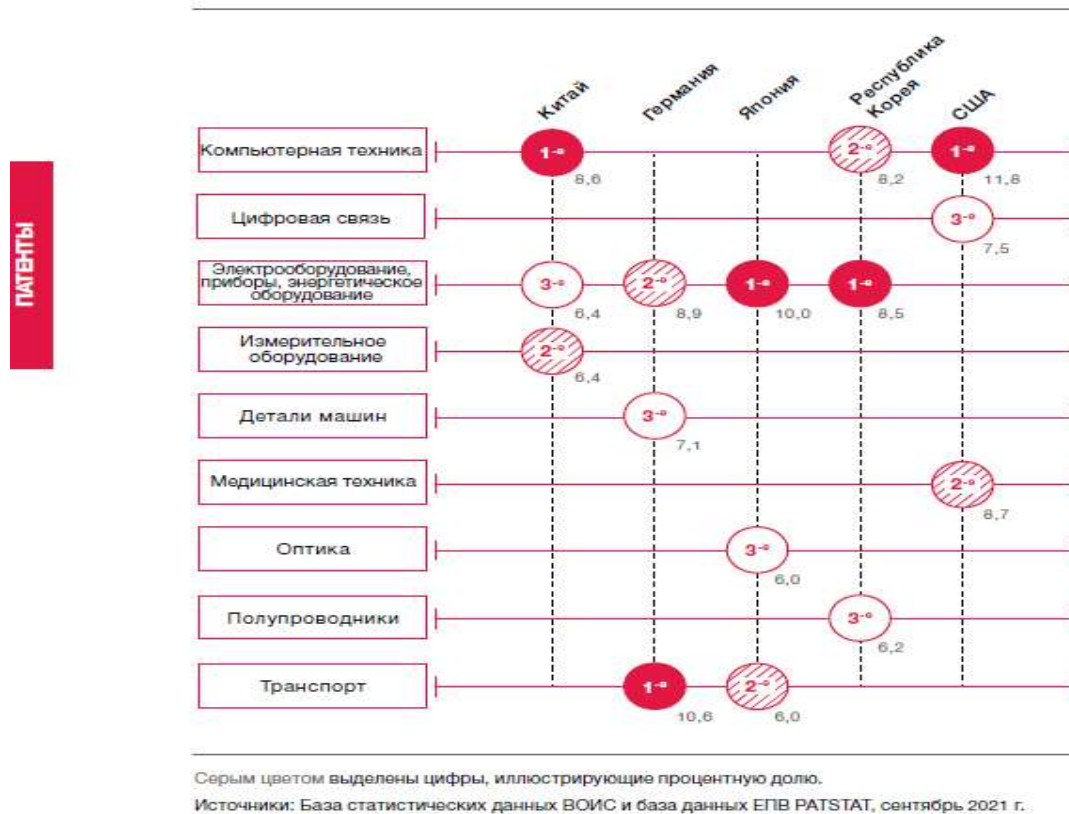

Рисунок 3. Три ведущих области техники в каждой из ведущих стран происхождения в 2017 -2019 г.г.

Источник: (по данным из работы [5]).

Определение трендов технологического развития – это достаточно кропотливая и трудоемкая задача, если она выполняется вручную. В настоящее время патентная статистика предлагает различные сервисы, облегчающие и значительно ускоряющие проведение исследований. Мы предлагаем использовать такой сервис, как построение патентного ландшафта. Об успешном использовании патентного ландшафта для целей определения технологических трендов сообщается, например, в работе [6].

Литература:

1. Беспалов В.П., Кулешов С.М. Россия в международной торговле объектами интеллектуальной собственности: проблемы и перспективы / Мировые цивилизации. 2018. №4. URL: <https://wcj.world/PDF/02ECMZ418.pdf> (дата обращения 07.04.2014)
2. Бушуева, А.И. Анализ патентной активности стран мира // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №. 11-1 (57), с. 81 – 84.

3. Зинов В.Г., Эрлих Г.В. В зеркале патентной статистики / Химия и жизнь. 2014. №4, с. 25-31.
4. Ильина И.Е., Асамирова Е.В., Лапочкина В.В. Технологический атлас патентной специализации как инструмент мониторинга развивающихся технологических направлениях / Наука. Инновации. Образование. 2019. Т.14. №1, с. 8 - 41.
5. ИС в фактах и цифрах ВОИС, 2021 / Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO). Швейцария 2021. – 56 с.
6. Карпов С.В., Шульгин Д.Б., Толмачев Е.Д., Егармина Е.Д. Анализ технологических трендов на основе построения патентных ландшафтов / Экономика региона. 2017. Т.13, вып. 2, с. 935 – 947.
7. Микова Н., Соколова А. Мониторинг глобальных технологических трендов: теоретические основы и лучшие практики / Форсайт. 2014. Т.8, №4, с. 64 – 83.
8. Патентная активность России vs США. Аналитическое исследование из цикла «Индикаторы инновационного развития российской экономики». URL: <https://www.nbkg.ru> (дата обращения: 08.07. 2024 г.)
9. Технологическое развитие: характеристика, этапы, примеры URL: [https:// ru.1warbletoncouncil.org](https://ru.1warbletoncouncil.org) (дата обращения: 06. 07. 2024 г.)
10. Ушаков Е. В. Технологические революции и методологические проблемы оценки технологий / Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2020. Т. 10, вып. 2 (39), с. 222-230.
11. Федотова, Е.И. Состояние и пути вовлечения российского рынка интеллектуальной собственности в мировой технологический обмен / Е.И. Федотова // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Том 6. №3, с. 353 – 357.
12. Крюков С.В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего / Terra Economius. 2010. Т.8, №3, часть 2, с. 7-17.
13. Хоменко В.В., Хоменко Р.В., Кашбразиев Р.В. Современные тенденции на мировом рынке интеллектуальной собственности и их значение для российских регионов / Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С.31–36.

Сагындыков Нурдаулет
Кандидат МВА
Университет Северного Техаса

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕС-АНАЛИТИКИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: В современной экономике, характеризующейся активным процессом цифровой трансформации, искусственный интеллект (ИИ) приобретает статус ключевого средства, обеспечивающего рост продуктивности аналитических процедур и объективации управленческих решений. Настоящая работа направлена на теоретическое рассмотрение роли ИИ в сфере стратегического управления и аналитической деятельности организаций. Основываясь на анализе научных работ, выполненных как российскими, так и иностранными специалистами, изучены основные способы использования ИИ в бизнес-аналитике, охватывающие обработку значительных массивов данных, построение прогнозов рыночной динамики, разработку сценарных моделей и предоставление поддерживающей информации для стратегического выбора. Отмечается, что внедрение ИИ не только улучшает скорость аналитических операций, но и повышает их точность, минимизируя таким образом уровень неопределённости в процессах принятия решений. Значительное внимание уделено процессу интеграции ИИ в привычные механизмы управления, а также изменениям, происходящим в профессиональной роли аналитиков, которым теперь приходится сочетать технологические навыки с углублёнными познаниями в стратегическом управлении. Поскольку данное исследование носит теоретический характер, оно способно пролить свет на фундаментальные тенденции и базовые принципы, закладывающие научную базу для будущих прикладных изысканий в рассматриваемом направлении.

Ключевые слова: искусственный интеллект, бизнес-аналитика, управленческие решения, эффективность, обработка данных, аналитические инструменты, прогностические модели, поддержка принятия решений, цифровые технологии, конкурентоспособность.

Keywords: artificial intelligence, business analytics, management decisions, efficiency, data processing, analytical tools, predictive models, decision support, digital technologies, competitiveness.

Сегодня, в условиях интенсивной цифровой трансформации, эффективность бизнес-анализа и управленческих решений все больше определяется уровнем использования технологий искусственного интеллекта (ИИ). Ранее, в начале XXI столетия, ИИ воспринимался главным образом как средство автоматизации отдельных действий, однако в настоящее время он стал важным катализатором улучшения аналитических процессов, повышения точности прогнозов и усиления аргументированности решений. Эндрю Энг, известный исследователь в области ИИ, сравнивает его с «новым электричеством»: подобно энергии прошлого, эта технология охватывает практически все экономические и управленческие сферы [1].

Современные западные исследования свидетельствуют о росте значимости ИИ в аналитике и поддержке процесса принятия решений. Майкл Джордан и Том Митчелл утверждают, что именно машинное обучение лежит в основе современного анализа данных, обеспечивая высокий темп и маневренность при работе с огромными объемами информации [2, с.256]. Ян ЛеКун, Йошуа Бенжио и Джеффри Хинтону было доказано, что глубокие нейронные сети способствуют созданию высокоточнейших прогнозных моделей, особенно в динамичной и непредсказуемой среде [3, с.437]. Эксперты McKinsey Global Institute приводят убедительные цифры: использование ИИ в аналитике ведет к увеличению производительности компаний на 15–20 процентов и уменьшает затраты на менеджмент [4]. Каплан и Хенлейн обращают внимание на тот факт, что внедрение ИИ затрагивает не только сферу технологий анализа данных, но и механизмы принятия решений на всех уровнях управления [5, с.16].

Отдельным направлением научных разработок является связь между ИИ и экономикой управления. Хал Вариан подчеркивает, что искусственный интеллект влияет на структуру отраслей и служит инструментом перераспределения ресурсов, в частности в конкурентной борьбе [6]. Джейн Брайсон обращает внимание на этические и социальные последствия повсеместного внедрения ИИ, настаивая на необходимости учитывать технологическую зависимость и потерю прозрачности в работе алгоритмов [7, с.170]. Практические исследования Майкла Васархели, Сергея Когана и Джона Туттла демонстрируют, что ИИ кардинально преобразует аудиторскую деятельность и аналитику,

делая возможным переход от случайных проверок к непрерывному мониторингу и своевременному прогнозированию рисков [8].

Отечественные исследователи сходятся во мнении, что искусственный интеллект играет решающую роль в увеличении эффективности аналитических процессов. Княгинин описывает цифровую экономику как базовую составляющую новой управленческой парадигмы, где анализ данных и ИИ помогают укреплять конкурентные позиции российских компаний [9, с.150]. Дьякова на примерах российских фирм демонстрирует, что внедрение интеллектуальных систем повышает точность отчетов и сокращает сроки их подготовки [10, с.115]. Рукавишников акцентирует внимание на том, что ИИ не только совершенствует инструменты анализа, но и качественно изменяет сам механизм принятия решений, заменяя интуицию научно обоснованными моделями [11, с.48].

Исследователи Казахстана также признают стратегическую важность ИИ для экономических реформ. Ахметова отмечает, что цифровизация аналитических процессов в госуправлении и бизнесе ускоряет принятие решений [12, с.34]. Нурпеисова особо выделяет значение ИИ в банковской и финансовой сферах, где необходима высокая точность прогнозов и быстрая обработка информации [13, с.69]. Кенжегалиев, основываясь на опыте промышленного сектора Казахстана, приходит к заключению, что внедрение ИИ способствует снижению затрат и укреплению устойчивости компаний в период кризисов [14, с.92].

Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта позволяет выделить несколько главных путей влияния ИИ на повышение эффективности бизнес-аналитики и управленческих решений. Во-первых, ИИ автоматизирует повторяющиеся аналитические процедуры, направляя ресурсы на решение стратегических задач. Во-вторых, применение методов машинного и глубокого обучения создает предпосылки для построения высокоточных прогнозов и снижения уровня неопределенности. В-третьих, ИИ инициирует эволюцию роли аналитиков, превращая их из простых обработчиков данных в специалистов по интерпретации и поддержке стратегических решений. Четвертый важный аспект — внедрение ИИ влечет за собой серьезные перемены в институциональной структуре, подготовку высококвалифицированного персонала и решение сложных этических вопросов.

Проведенный теоретический анализ однозначно свидетельствует о том, что искусственный интеллект играет важную роль в повышении эффективности бизнес-аналитики и управленческих решений в условиях цифровой экономики. Применение ИИ

ускоряет обработку данных, повышает точность прогнозов, снижает уровень неопределенности и расширяет диапазон возможностей для стратегического и тактического управления.

Во-первых, ИИ берет на себя автоматизированное выполнение рутинных аналитических задач, освобождая аналитиков для качественной интерпретации данных и формирования стратегических планов. Например, система предиктивной аналитики в компании Amazon способна спрогнозировать покупательский спрос вплоть до конкретного региона и временного периода, что существенно облегчает управление запасами и логистикой [15, с.110].

Во-вторых, алгоритмы машинного обучения делают прогнозирование точнее, что позволяет принимать обоснованные управленческие решения даже в условиях высоких уровней неопределенности. Банковский сектор наглядно иллюстрирует этот эффект: внедрение интеллектуальных систем для анализа платежей помогает своевременно выявлять подозрительные транзакции и предотвращать мошеннические действия. Например, крупные казахстанские банки успешно применяют системы кредитного скоринга на основе ИИ, что значительно сокращает срок рассмотрения заявок на кредиты и снижает число просрочек [16, с.45].

В-третьих, появление ИИ изменяет традиционную роль аналитиков: они становятся не простыми исполнителями обработки данных, а профессионалами, умеющими интерпретировать результаты интеллектуальной обработки данных и применять их в контексте реальных управленческих задач. Подобные изменения характерны для многих международных консалтинговых компаний, таких как Deloitte и PwC, где стандартные методы бизнес-аналитики дополняются интеллектуальными средствами прогнозирования, а сами аналитики выступают в роли своеобразных «переводчиков» решений ИИ [17].

Четвертое важное следствие состоит в необходимости проведения институциональных изменений и подготовки соответствующего персонала. Опыт Казахстана показывает, что введение ИИ в государственные услуги (например, платформа eGov.kz) увеличило скорость обслуживания населения и бизнеса, но выявило острый дефицит специалистов, способных обслуживать и интерпретировать интеллектуальные системы. Этот пример ясно демонстрирует, что помимо технической модернизации нужны масштабные преобразования в образовательной и профессиональной подготовке управленцев [18, с.75].

Наконец, широкое распространение ИИ в бизнес-аналитике сопровождается рядом этических и социальных трудностей. Алгоритмы часто работают непрозрачным способом («черный ящик»), что может вызывать подозрения пользователей и приводить к принятию неверных решений. Примером подобной ситуации стала американская система оценки преступников COMPAS, подвергшаяся жесткой критике за проявления необъективности и дискриминации. Данный эпизод напоминает нам, что наряду с улучшением экономической эффективности мы обязаны уделять должное внимание вопросам справедливости, открытости и моральной ответственности [19].

Подводя итог, можно сказать, что искусственный интеллект открывает совершенно новые перспективы для бизнес-аналитики и управленческих решений, помогая организациям и государствам становиться эффективнее, дешевле и конкурентоспособнее. Но внедрение ИИ неизбежно сталкивается с серьезными вызовами — институтами, кадрами и этикой. Особенно остро эта задача стоит перед Россией и Казахстаном, которым важно развивать собственные интеллектуальные решения, учитывающие национальные особенности, чтобы уменьшить зависимость от западных технологий и создать прочную основу для собственной цифровой экономики.

Литература:

1. Ng A. Artificial Intelligence is the New Electricity // Harvard Business Review. – 2016.
2. Jordan M., Mitchell T. Machine learning: Trends, perspectives, and prospects // Science. – 2015. – Vol. 349. – №6245. – P. 255–260.
3. LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. Deep learning // Nature. – 2015. – Vol. 521. – P. 436–444.
4. Manyika J., Chui M., Bughin J., et al. Artificial Intelligence: The Next Digital Frontier? – McKinsey Global Institute, 2017.
5. Kaplan A., Haenlein M. Siri, Siri, in my hand: Who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations and implications of artificial intelligence // Business Horizons. – 2019. – Vol. 62. – №1. – P. 15–25.
6. Varian H. Artificial intelligence, economics, and industrial organization // NBER Working Paper. – 2019. – №24839.
7. Bryson J. The Past Decade and Future of AI's Impact on Society // Towards a New Enlightenment. – 2018. – P. 157–180.

8. Vasarhelyi M., Kogan A., Tuttle B. *Artificial Intelligence in Accounting and Auditing: Towards New Paradigms*. – New York: Rutgers University Press, 2015.
9. Княгинин В.Н. *Цифровая экономика: вызовы и перспективы для России*. – СПб: Фонд «Центр стратегических разработок», 2018. – 240 с.
10. Дьякова О.В. Искусственный интеллект в системе бизнес-аналитики // *Вестник Финансового университета*. – 2020. – №4. – С. 112–120.
11. Рукавишников В.О. Цифровая трансформация управленческих решений с применением технологий искусственного интеллекта // *Управленческие науки*. – 2021. – №2. – С. 47–55.
12. Ахметова А.К. Роль цифровизации в развитии управленческой аналитики Казахстана // *Экономика и статистика*. – 2020. – №3. – С. 28–35.
13. Нурпеисова А.Б. Искусственный интеллект и аналитика данных в обеспечении эффективности бизнеса // *Экономика: стратегия и практика*. – 2021. – №4. – С. 64–72.
14. Кенжегалиев Д.С. Цифровая трансформация и бизнес-аналитика в условиях Казахстана // *Вестник КазНУ. Серия экономическая*. – 2022. – №1. – С. 90–98.
15. Davenport T., Ronanki R. *Artificial Intelligence for the Real World* // *Harvard Business Review*. – 2018. – Vol. 96(1). – P. 108–116.
16. Исабаев М.Б. Big Data и искусственный интеллект: перспективы применения в банковском секторе Казахстана // *Экономика и статистика*. – 2020. – №4. – С. 41–52.
17. Bughin J., Hazan E., Ramaswamy S., et al. *Notes from the AI Frontier: Applications and Value of Deep Learning*. – McKinsey Global Institute, 2018.
18. Токташева С.К., Жаксылыкова А.М. Интеллектуальные технологии в системе государственного управления Казахстана // *Вестник КазНУ. Серия экономическая*. – 2021. – №2. – С. 70–82.
19. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. – Harvard University Press, 2015.

Политологические науки

Галеева Мадина Наилевна

Студент

НИУ «Высшая школа экономики»

САНКЦИИ США В ОТНОШЕНИИ ИРАНА: ПРИЧИНЫ, ЦЕЛИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация: В статье анализируются причины, цели и результаты санкционной политики США, которая проводилась в отношении Ирана. Окончание Второй мировой войны дало толчок в развитии дружеских отношений между США и Ираном. Иран начал активно налаживать сотрудничество со странами западного блока, даже стал единственной страной с мусульманским населением, поддерживающим Израиль. В 1963 году шах Реза Пахлеви решил провести комплекс реформ, направленных на внедрение капиталистических институтов в общество и экономику страны¹. К сожалению, шах, в большинстве своем, не искал поддержку среди населения, был очень властен и своеволен, поэтому, политика на сближение с западом, под влиянием народных масс и оппозиционных власти религиозных деятелей, быстро перешла в контрнаступление. В 1978 год шах покинул Тегеран, и исламисты захватили власть, а уже в 1979 году произошло событие, которое стало переломным в санкционной политике двух стран.

Ключевые слова: санкционная политика, отношения США и Ирана, причина противоречий, нефтяной вопрос.

Keywords: sanctions policy, US-Iran relations, cause of contradictions, oil issue.

Штаты считают сохранение своего господства над Персидским заливом стратегически очень важным в связи с тем, что эти страны владеют примерно двумя третями мировых запасов нефти и газа. С момента своего создания в 1979 году Исламская Республика бросила вызов господству США в регионе Персидского залива. Четверо исламистов напали на американское посольство и удерживали в нем заложников 444 дней. В ответ США применили экономические санкции, чтобы заставить исламский режим изменить свое враждебное поведение. Ответная реакция не заставила себя долго ждать, и экономические санкции в отношении Ирана были введены президентом Джимми

¹ Панарин Р.С. "БЕЛАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" В ИРАНЕ: РЕФОРМЫ, ПРИВЕДШИЕ К ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1979 г. // Общество и власть: история и современность. – 2019. – С. 323-326.

Картером². Иранские активы блокируются, позже вводится эмбарго на товары американского производства. Наиболее чувствительный удар был нанес нефтедобывающему сектору, потому что возможности страны по переработке нефти были крайне ограничены.

В 1992 году США стали обеспокоены тем, что Иран начал активно наращивать военный и ядерный, что ставило под угрозу не только американские интересы, но и безопасность региона в целом³. Меры были направлены на: блокировку передачи оружия, компонентов, технологий и предметов двойного назначения для запрещенных ядерных и ракетных программ Ирана, воздействие на отдельные сектора иранской экономики, имеющие отношение к его деятельности по распространению оружия массового уничтожения, и побуждение Ирана конструктивно участвовать посредством обсуждений для выполнения своих обязательств по нераспространению. То есть можно выделить следующие причины:

1. Иранская ядерная программа: основной причиной санкций США против Ирана стала подозрительная ядерная деятельность Тегерана, которая, по мнению США и их союзников, направлена на разработку ядерного оружия. С 2000-х годов США начали вводить жесткие санкции для предотвращения Ирана от обогащения урана и других действий, связанных с ядерной программой.

2. Региональная дестабилизация и нарушение прав человека: также санкции были введены из-за нарушений прав человека, которые включают подавление мирных протестов и преследование оппозиционеров.

На мой взгляд, политический эффект санкций с точки зрения достижения их целей не был достигнут в полном объеме. В целом, основными факторами, которые следует учитывать при оценке последствий экономических санкций, являются размер экономик двух стран и продолжительность действия санкций. Когда США вводят санкции против такой маленькой страны, как Иран, из-за ее большой доли рынка за пределами целевой страны, они могут легко заменить недостающие товары товарами других стран. В то же время Иран в большей степени зависит от торговли с такой крупной страной, как США. Таким образом, торговые санкции оказали некоторое давление на Иран, когда они были первоначально введены. Однако в долгосрочной перспективе их эффективность

² Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №. 4. – С. 56-71.

³ Torbat A.E. Impacts of the US trade and financial sanctions on Iran // World Economy. – 2005. – Т. 28. – №. 3. – С. 407-434.

постепенно снижается⁴. Это связано с тем фактом, что эластичность в долгосрочной перспективе выше, чем в краткосрочной. Чем больше времени проходит, тем больше Ирану удавалось приспосабливаться к санкциям и находить альтернативные источники для продукции американского производства. Более того, США допустили стратегическую ошибку, вводя санкции без поддержки союзников. Данный эпизод показал, что без коалиции влияние санкций ограничено даже если их вводит такая держава, как США.

Первым успехом стало присоединение ЕС к энергетическим санкциям. В январе 2012 г. ЕС запретил покупку нефти в Иране, а также ее хранение и транспортировку, но Иран смог утвердить свое право на «мирный атом»⁵.

Также, опыт санкций против Ирана показал, что можно применять «умные» ограничения, которые будут более эффективны, и направлять страну на уступки. Целью таких санкций стали отдельные физические или юридические лица, причастные к тем или иным политическим проблемам⁶.

Вывод

Кейс Ирана показал наличие взаимосвязи между ущербом от санкций и их эффективностью, не смотря на ущерб для двух сторон, Иран нашел способы преодоления. Однако здесь есть свои особенности. Иран долгое время нес потери от санкций. Но при этом не садился за стол переговоров, ведя политику адаптации к санкциям. Только в 2013 г. США удалось создать условия, которые заставили Тегеран пойти на переговоры. При этом Иран сумел выйти на выгодную для себя сделку, хотя и уступил основным требованиям. *Иранский кейс подтверждает гипотезу Дениела Дрезнера о санкционном парадоксе*: максимальное давление на политических противников приносит минимальный ущерб от санкций, тогда как минимальное давление на союзников зачастую приносит максимальный результат⁷. Опыт Ирана показал высокую значимость фактора наличия и устойчивости коалиции стран-инициаторов. Односторонние действия США ни на одном из этапов не привели к желаемым результатам. Их удалось добиться только после того, как был достигнут консенсус с союзниками, с членами СБ ООН, а также с покупателями иранской нефти из числа третьих стран. Можно констатировать взаимосвязь ущерба от санкций и устойчивостью коалиции. Чем более широка и устойчива коалиция, тем более силен ущерб от санкций.

Таким образом, США не смогли добиться достижения целей, ради которых санкции и были введены.

⁴ Esfandiary D., Fitzpatrick M. Sanctions on Iran: Defining and enabling 'success' // Survival. – 2011. – Т. 53. – №. 5. – С. 143-156.

⁵ Hamblin J.D. The wretched atom: America's global gamble with peaceful nuclear technology. – Oxford University Press, 2021.

⁶ Nephew R. The Art of Sanctions. A View from the Field. N.Y.: Columbia University Press, 2018. 232 p.

⁷ Drezner D.W. The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations. – Cambridge University Press, 1999. – №. 65.

Филологические науки

Губенкова Анастасия Анатольевна

Бакалавр факультета Лингвистики

Московский педагогический государственный университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗЕ КЭТ МАНКСЕЛЛ «ЧАШКА ЧАЯ»

Аннотация: В статье представлен психологический анализ главных персонажей рассказа Кэт Манкселл «Чашка чая». Основное внимание уделяется проявлениям психологического насилия, нарциссического расстройства личности и психологического инфантилизма. Рассмотрена динамика отношений между Розмари Фелл и её мужем, выявлены элементы эмоциональной манипуляции и зависимости. Проанализирован образ бедной девушки Мисс Смит, демонстрирующей признаки незрелости и неспособности к самостоятельному принятию решений. Рассказ освещает социальные проблемы 1920-х годов в Лондоне, включая классовые различия и поверхностную благотворительность, подчёркивая сложности межличностных отношений и психологическую нестабильность героев. Проведённый анализ способствует глубокому пониманию внутреннего мира персонажей и актуализирует вопросы психического здоровья и эмоционального насилия в литературе.

Ключевые слова: нарциссическое расстройство личности, психологическое насилие, психологический инфантилизм, межличностные отношения.

Key words: narcissistic personality disorder, psychological abuse, psychological infantilism, interpersonal relationships.

Для начала следует отметить, что тема психологии стала одной из приоритетных для обсуждения между представителями различных возрастных групп. В связи с тем, что психологическое здоровье выходит на передний план жизненных ценностей, многочисленные исследования привлекают внимание к вопросам формирования устойчивой личности. В данном исследовании рассматриваются темы абьюзивных (жестоких) отношений, нарциссического расстройства личности и инфантилизма с целью выявления проявлений данных явлений в обществе и анализа их последствий.

Для лучшего понимания текста и персонажей необходимо кратко охарактеризовать ключевых героев. «Чашка чая» — один из коротких рассказов Кэтрин Мэнсфилд, действие которого происходит в Лондоне 1920-х годов. С первых строк внимание читателя сосредотачивается на главной героине — миссис Фелл. Розмари — привлекательная женщина, привыкшая к светской жизни; молодая, образованная и общительная благодаря участию в различных художественных и поэтических кружках. Следует также отметить, что она всегда элегантно одета, что подчёркивает изящество её фигуры. Мистер Фелл — образованный и привлекательный мужчина, живущий с Розмари в браке. Несмотря на ограниченное описание, он представлен как один из богатейших людей в обществе. Миссис Смит — молодая, стройная женщина с тёмными волосами, которая просит Розмари немного денег на чашку чая. Несмотря на её обаяние, в обществе её считают попрошайкой. Эта исходная характеристика позволяет далее развить ключевой психологический анализ.

Обращая внимание на описанную характеристику, необходимо перейти к теоретическому рассмотрению проблемы физиологического аспекта. В выбранном тексте можно обратить внимание на тему абьюзивных отношений между мистером и миссис Фелл. В общем смысле абьюз — это действие, направленное на причинение вреда или насилия по отношению к другому человеку. Основным участником такого рода отношений является абьюзер — лицо, склонное к подавлению и насилию над жертвой. Психологи выделяют несколько типов насилия: физическое, сексуальное, экономическое и психологическое, а также возможна их комбинация. Для анализа рассказа «Чашка чая» актуален психологический абьюз, понимаемый как насилие через словесную агрессию, при котором обидчик игнорирует, манипулирует и пренебрегает чувствами жертвы. Часто жертва пытается оправдать абьюзера из-за эмоциональной привязанности, что усугубляет её положение. Абьюзер, используя чувство вины и обвинения, удерживает жертву в зависимости, что нередко приводит к эмоциональному выгоранию, потере чувства безопасности и снижению самооценки.

Учитывая вышеизложенное, следует рассмотреть нарциссическое расстройство личности, которое проявляется в характере миссис Фелл. Нарциссизм — это расстройство, при котором человек считает свою личность уникальной и ставит её выше других. Среди различных форм выделяют «доброкачественный нарциссизм». Люди с таким расстройством часто испытывали плохой опыт в детстве, связанный с отсутствием эмоционального контакта с родителями на раннем этапе развития. В результате

формируется личность с эгоцентризмом, инфантильностью и склонностью к поверхностным драматизациям. Такие индивиды не являются токсичными, но их незрелость вызывает раздражение у окружающих.

При анализе семьи Фелл важна роль миссис Смит, которую можно охарактеризовать с позиции психологического инфантилизма — состояния незрелой психоэмоциональной развития, при котором человек избегает ответственности за личную жизнь, не способен принимать решения и живёт настоящим, не учитывая перспективу будущего. Поведение миссис Смит, представленное в рассказе, соответствует этим чертам: она безропотно подчиняется Розмари, перекладывая на неё ответственность за собственные действия, что характерно для инфантильной личности.

Практический анализ показывает, что признаки абьюза проявляются в отношениях между Розмари и её мужем Филлипом. Когда Филлип, возвращаясь домой, уделяет внимание миссис Смит и делает ей комплименты, этим он заставляет Розмари испытывать чувство вины и ревности, эмоционально изолируя её. Манипуляция и игнорирование чувств жены способствуют её зависимости от мужа и подрыву самооценки.

Далее, поведение Розмари при общении с миссис Смит отражает элементы нарциссического расстройства: она использует бедную женщину для подтверждения своего чувства исключительности и развлечения, не проявляя истинной эмпатии. В то же время миссис Смит ведёт себя инфантильно, передавая ответственность за себя окружающим и не проявляя самостоятельности.

Таким образом, ключевые герои рассказа «Чашка чая» демонстрируют сложные психологические проблемы: попытки контроля и ограничения свободы, абьюзивные отношения, незрелость и неспособность к самостоятельной защите своих интересов. Эти явления оказывают негативное влияние на общество, способствуя формированию токсичных социальных отношений и подрыву эмоционального благополучия индивидов.

Литература:

1. DoctorRamani. BENIGN Narcissists: Everything You Need to Know (Part 1/2) [Видео]. YouTube, 23 мая 2020 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mgmfGRXi2E8> (дата обращения: 30.07.2025).

2. The right hemisphere of an Introvert. How To Recognize An Abuser? [Видео]. YouTube, 15 окт. 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QHdJdcgox0Q> (дата обращения: 30.07.2025).

3. English Story. Learn English Through Story - a Cup of Tea by Katherine Mansfield [Видео]. YouTube, 13 июня 2018 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JhaoYDOs-D8> (дата обращения: 30.07.2025).

4. Шербакова, М. Психологический инфантилизм / Sherbakova.com, 16 сентября 2016 г. URL: <https://sherbakova.com/psychological-infantilism> (дата обращения: 30.07.2025).

Губенкова Анастасия Анатольевна

Бакалавр факультета Лингвистики

Московский педагогический государственный университет

ТВОРЧЕСТВО ТУПАКА ШАКУРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ДИСКРИМИНАЦИЕЙ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ

Аннотация: В данной статье рассматривается феномен творчества Тупака Шакура как социального и лингвистического инструмента, способного противостоять дискриминации афроамериканского населения США. Анализируются биографические предпосылки формирования мировоззрения артиста, влияние окружения «Черных пантер» и роль его матери в формировании протеста против социальной несправедливости. Особое внимание уделено песне «Changes» как социокультурному манифесту, в котором Шакур отражает кризис идентичности и борется с расовыми стереотипами. Через призму лирического анализа автор демонстрирует, каким образом Тупак использует афроамериканский разговорный английский (AAVE) — его грамматические, лексические и фонетические особенности — для создания уникального языкового пространства сопротивления. Исследование показывает, что использование AAVE в текстах становится актом аутентичного самовыражения и борьбы, а не признаком маргинальности, формируя новое понимание черной идентичности. Подчеркивается, что лирика и язык 2Pac служат не только инструментом арт-протеста и катализатором перемен, но и механизмом сохранения коллективной памяти афроамериканского сообщества. Автор статьи переосмысливает роль хип-хопа и его представителей как современных хроникёров борьбы за равноправие.

Ключевые слова: Тупак Шакур, AAVE, дискриминация, хип-хоп.

Keywords: Tupac Shakur, AAVE, discrimination, hip-hop.

1.1. Творчество Тупака Шакура как метод искоренения дискриминации афроамериканского населения.

Тупак Шакур вырос в условиях бедности в районе Ист-Харлем, однако впоследствии сменил место жительства на Калифорнию. Шакур был широко известен в

хип-хоп сообществе, так как 2Pac создал самостоятельный и своеобразный мир, в котором человек защищал принципы свободы всех людей, а также обширную концепцию равных прав. В своих песнях рэпер рассуждал о проблемах искусственного сознания афроамериканского населения, акцентируя внимание на трудностях, с которыми сталкивались преследуемые сообщества.

Повестка репертуара 2Pac включала такие темы, как бедность, жестокость полиции и расовое неравенство. Основа этих тем в его творчестве складывалась из наблюдений ранних лет, когда Тупак принимал участие в обсуждениях острых вопросов, касающихся проблем афроамериканцев. Мать рэпера — Афени Шакур — собиралась с членами организации «Черные пантеры» и обсуждала негативное отношение белого сообщества, особенно представителей власти, таких как полиция, к афроамериканским гражданам Нью-Йорка.

Упомянутые собрания оказали на Тупака глубокое влияние, поскольку с детства он задавался вопросом, почему в мире существует такая несправедливость. Поэтому Тупак решил пойти по пути матери — быть социально активным гражданином и протестовать против несправедливости с помощью песен, особенно тех, что наполнены выразительной лирикой.

Для лучшего понимания ситуации, происходившей на улицах мира, особенно в США, необходимо обратиться к песням Тупака. Главным произведением данного хип-хоп исполнителя является песня «Changes», выпущенная в октябре 1998 года. В своё время данное произведение рассматривалось в качестве протестного материала из-за прямого высказывания предложений и сильного социального активизма автора. Чернокожее сообщество приравнивало «Changes» к своему гимну, что придавало людям решимость бороться за независимость и равенство.

Рассмотрев биографический фон Тупака Шакура, необходимо обратиться к смыслу его стихов, чтобы понять значимость и суть негодования, поднятого черным сообществом.

В первом куплете 2Pac поёт о болезненной ситуации, с которой столкнулось черное общество. Он изображает себя обыкновенным жителем пригородов, который наблюдает на улицах явления, такие как низкий уровень доходов у чернокожих, преступность ради выживания и наркозависимость. Более того, Тупак Шакур написал:

«Give the crack to the kids, who the hell cares?» [2Pac, 1998].

Данная цитата переносит слушателей к одному из самых трагических эпизодов в истории афроамериканского населения — эпидемии «крэк»-наркотиков, разразившейся на

улицах в 80–90-х годах XX века. Государство считало чернокожее сообщество обременением, поскольку ему приходилось предоставлять социальную помощь, что усложняло развитие налоговой системы. Поэтому проблему игнорировали и не решали. Однако 2Pac замечает также:

«'Cause both black and white are smokin' crack tonight» [2Pac, 1998].

В результате эпидемии общество стигматизировало африканскую общину, приравнивая любого чернокожего к наркоторговцу. Тем не менее, артист настаивает, что это недопустимо, потому что отсутствие средств и проживание в неблагоприятных районах не свидетельствуют об аддикции любого афроамериканца. Раса и религия человека не являются маркерами потребления запрещённых веществ.

Кроме того, Тупак утверждает, что единственный случай, когда люди видят равенство между расами — это когда жители разных национальностей идут на войну и убивают друг друга. Эта ситуация не выдумана, поскольку Вьетнамская война продемонстрировала единство белых и черных солдат во имя интересов государства. Однако рэпер призывал собраться вместе ради прогресса и наслаждения жизнью. Как сказал однажды Линкольн, нет причин для разделённого общества даже при кризисных обстоятельствах, потому что неспособность объединиться ведёт к упадку. Следовательно, белые и черные не должны жить отдельно, как предлагали некоторые афроамериканские сообщества, а должны уважать уникальность и различия друг друга, поскольку разнообразие имеет неопределимое значение. Тупак Шакур дал обществу следующий совет: быть искренними («to be real»). Это означает, что афроамериканцам не следует следовать государственному сценарию, связанному с наркоманией и преступностью, а белым — не считать афроамериканцев криминальными и опасными, а жить вместе и вдохновляться друг другом.

Таким образом, идея, заложенная в песне, является мотивационной не только для чёрного населения, но и для белого — рэпер выступает в роли миротворца. Не следует осуждать друг друга за отличительные характеристики. Цвет кожи не является клеймом. Жестокость полиции разрушает общество, а безразличие государства к проблемам — это величайшее преступление против человечности. Тупак призывает каждого взять ответственность за свою жизнь и пройти путь перемен, чтобы подарить будущим поколениям мир, основанный на понимании, равенстве и уважении.

Дальнейшим логичным шагом будет исследование особенностей афроамериканского разговорного английского (AAVE) в текстах и вокале с целью выявления фонетических нюансов.

Использование материала первой главы данного исследования будет полезно для сопоставления грамматических и лексических элементов теории «Black English» с применением этих особенностей в песнях 2Pac. Действительно, Тупак не отрицал наследие афроамериканского разговорного английского и часто пользовался им, являясь частью уникального сообщества афроамериканцев.

Начать следует с фонетических особенностей, поскольку важна не только лексика, но и способ исполнения текстов. Так, происходит замена альвеолярного носового [n] на велярный носовой [ŋ] в окончаниях на «-ing», то есть в разговорном варианте буква «g» выпадает, а звук [ŋ] замещает его. Пример произношения из «Changes»:

«I'm tired of bein' poor and, even worse, I'm black,
Is life worth livin'? Should I blast myself» [2Pac, 1998].

Кроме того, в записи 2Pac не произносит конечные согласные [d] и [t] в таких словах, как dead, singing (произносится как dea, dea), start (star), а слово East звучит как Eas. В афроамериканском разговорном английском характерна не только потеря звука [d] в окончаниях, но и в некоторых случаях в начале слова — например, в выражении «I don't trust this...» звук [d] опускается и звучит как «I 'on't trust this» [2Pac, 3:34].

В слове brother Тупак не использует стандартное английское произношение, а применяет разговорную форму «bruvah».

Что касается грамматики, можно отметить некоторые особенности. В первую очередь, это употребление отрицания «ain't». Примеры из текста:

«We ain't ready to see a black president»,
«That's the sound of my tool, you say it ain't cool» [2Pac, 1998].

Сравнивая с литературным английским, в грамматике AAVE «ain't» выполняет функцию нестандартного глагола to be. Также вспомогательный глагол haven't может преобразовываться в «ain't». Кроме того, в грамматике эбонника (Ebonics) характерно употребление множественного или двойного отрицания, например:

«And I ain't never did a crime...»

В литературном английском это звучало бы как «And I have never done a crime».

Помимо «ain't», встречается особое использование неправильных глаголов — в AAVE некоторые формы прошедшего времени используются как причастия. В строке:

«But we can never go nowhere»

также видно двойное отрицание.

Важно отметить, что, как указывает Вольфрам, такие грамматические особенности не характерны для всех носителей черного английского. Они чаще встречаются у рабочего класса, тогда как средний класс практически не использует их [2Pac, 1998].

Таким образом, песня «Changes» представляет собой переоценку всего, что было сделано по отношению к афроамериканцам. Сейчас эти члены общества мотивированы действиями «Черных пантер» и поддерживаются песнями 2Pac, где в сочетании языка AAVE и проблем свободы люди теперь сильнее для восстаний. Вариант английского языка выступает уникальной характеристикой африканского населения, и Тупак использует его, чтобы отразить историю африканской общины, утверждая, что общество не потерпит равнодушия; использование «ain't», двойного отрицания и особых фонетических моделей — не ошибка, а показатель особенной идентичности и направления развития, продолжающегося около 500 лет.

Литература:

1. 2Pac. Changes // Greatest Hits. — Interscope Records, 1998. — М.: звукозапись.
2. 2Pac. Changes // YouTube, загружено 2PacVEVO, 7 окт. 2009. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=eXvBjCO19QY&t=224s> (дата обращения: 25.07.2025).
3. Berry M.F. Lincoln and Civil Rights for Blacks // Papers of the Abraham Lincoln Association. — 1980. — Vol. 2. — P. 46–57.
4. Guy J. Afeni Shakur: Evolution Of A Revolutionary. — New York: Amistad, 2010. — 69 с.
5. Hilliard D. The Black Panthers. — New York: Abacus, 2008. — 150 с.
6. Wolfram W. The Grammar of Urban African American Vernacular English // Handbook of Varieties of English. Vol. 2. — М.: Wiley-Blackwell Publishing, 2004. — P. 111–132.

Педагогические науки

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ДИРИЖЕРОВ НАРОДНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ОРКЕСТРОВ КИТАЯ

Аннотация: В статье анализируются особенности современных народно-инструментальных оркестров Китая, а также исторические условия, повлиявшие на их уникальность и своеобразие. Ведущее место в исследовании отводится особенностям подготовки дирижеров этих оркестров в Центральной консерватории музыки в Пекине, которая является ведущим учебным заведением Китая по подготовке специалистов подобного профиля. Также в статье рассматриваются навыки, умения и знания, которыми должен владеть дирижёр народно-инструментальных оркестров Китая для успешной реализации себя в этой профессии.

Ключевые слова: дирижёр народно-инструментальных оркестров, Центральная консерватория музыки в Пекине, обучение в университете.

Keywords: conductor of folk instrumental orchestras, Central Conservatory of Music in Beijing, university studies.

С давних времён оркестр китайских народных инструментов играет важную роль в культурной жизни Китая. Сегодня, с повышением интереса общественности к азиатской культуре, восточным ценностям, а также к традициям отдельных народов, мы можем наблюдать увеличение внимания к традиционной китайской культуре не только среди китайцев, но и представителей других стран. Параллельно возрастанию популярности оркестровой культуры Китая, растёт потребность в увеличении количества квалифицированных кадров музыкантов, в особенности дирижеров. Несмотря на значительные успехи в области подготовки дирижеров народно-инструментальных оркестров Китая, подходы, методика и другие особенности их обучения до сих пор являются предметом споров и остаются слабо изученными. Думается, что это делает наше исследование достаточно актуальным.

На наш взгляд, для того чтобы комплексно осветить специфику обучения дирижеров народно-инструментальных оркестров Китая, необходимо рассмотреть несколько аспектов, а именно:

- особенности народной музыки, как таковой;
- исторические предпосылки, определившие уникальность и своеобразие оркестровой культуры Китая;
- методику подготовки дирижёров для народно-инструментальных оркестров Китая.

Особенности народной музыки. Для начала стоит отметить, что народная музыка той или иной страны достаточно специфична, а традиция её исполнения складывается на протяжении многих десятилетий, если не столетий. Учёные по-разному подходят к определению народной музыки. В частности, исследователь из Оксфордского университета М. Карпелес идентифицирует народную музыку как «неписанную, которая передавалась устно или частно на живом примере» [4, с. 2]. Исследователь американской народной музыки К. Лорнелл к вышеперечисленным характеристикам относит также такие характеристики, как «сильные региональные связи или расовую/этническую идентичность и прямую связь с прошлым» [2, с. 10]. Американский композитор Рут Кроуфорд Сигер описывает народную музыку как «носительницу истории и обычаев», указывая на то, что эта музыка была естественной частью работы, игр, сна, веселья, насмешек, любви и смерти [6, с. 21]. Таким образом, можно констатировать, что для народной музыки в целом характерны такие черты, как анонимность, передача музыкальных сюжетов из поколения в поколение, отображение в творчестве элементов повседневности, влияние на творчество исторических и этнических особенностей, разнообразие жанров и видов.

Исторические предпосылки. Говоря о современном народно-инструментальном оркестре Китая, следует отметить, что он, в отличие от, например, оркестра русских народных инструментов, сочетает в себе использование, как и традиционных для Китая, так и общепринятых академических европейских музыкальных инструментов [8]. Такая особенность во многом связана с насильственным открытием Китая в XIX веке и с дальнейшим проникновением европейской культуры на территорию Китая [3, с. 1-2]. Многих в Китае беспокоил нажим на местную культуру и постепенную утрату её идентичности. В частности, одним из борцов за сохранение традиционной музыкальной культуры стала Музыкальная ассоциация Датун. Их деятельность на этом поприще хорошо раскрывает опубликованная ими заметка: «Необходимо пересмотреть структуру и создать крупный оркестр, привлечь музыкальных экспертов со всей страны, совместно отвечающих за это дело, тщательно исследовать древние и современные музыкальные

формы, чтобы создать ценную национальную музыку, которая может достойно представлять нас на мировой музыкальной сцене. Как же возможно, что наша исконная культура не может возродиться?» [5, с. 3-4]. Их деятельность во многом повлияла на современную оркестровую культуру Китая. Помимо всего вышперечисленного, стоит отметить, что с утверждением в Китае коммунизма после Второй мировой войны и дальнейшему тесному культурному сотрудничеству с СССР, на оркестровое искусство Китая стала влиять музыкальная культура Советского Союза. На современном этапе народно-инструментальные оркестры Китая представляют перед собой синтез западного, американского, советского и китайского подходов, где последний является доминирующим.

Методика подготовки дирижёров. В любом оркестре ключевая роль отводится дирижёру, ведь именно он определяет темп и задаёт тон всей композиции. Современный китайский народный оркестр состоит из четырёх инструментальных групп и насчитывает 75 музыкантов. Наличие такого большого количества исполнителей предъявляет дополнительные требования при подготовке дирижёров, ведь помимо стандартных профессиональных навыков они должны понимать исполнительские методы и тембровые характеристики каждой инструментальной группы, а также ориентироваться в большом разнообразии музыкальных инструментов. Всё это предопределило особые требования при подготовке дирижёров народно-инструментального оркестра Китая.

Для того, чтобы лучше понять специфику обучения дирижёров народно-инструментальных оркестров Китая, проанализируем опыт ведущего китайского учебного заведения по данному направлению. Таковым местом в Китае является Центральная консерватория музыки в Пекине, где находится единственный на всю страну факультет дирижерского искусства в системе высшего музыкального образования Китая. Он был создан ещё в 1956 году и на сегодняшний день насчитывает трёх аспирантов, шестнадцать китайских и одного иностранного студента [1]. Руководит факультетом выдающийся профессор и музыкант Юй Фэн, которому довелось в своё время закончить этот же факультет, поучиться в Берлине, выступить с оркестрами в США, Австралии и ряде других стран [7, с. 63]. Его влияние на развитие китайской оркестровой культуры очень велико.

За практически 70 лет существования факультета дирижерского искусства, сложилась особая методика подготовки дирижёров для народных оркестров, вобравшая в себя преподавательский опыт европейских держав, США, стран бывшего СССР и самого Китая. В чём же она заключается? Во-первых, значительное внимание уделяется

теоретической подготовке будущих дирижёров. Будущие дирижёры должны ориентироваться не только в большом разнообразии музыкальных инструментов оркестра, но и также знать ключевые произведения китайской и зарубежной культуры. В пекинской консерватории в рамках программ бакалавриата и магистратуры есть различные курсы, на которых студентами изучаются теоретические основы дирижёрского искусства. В частности, курс «Контрапункт и хоровая аранжировка», в рамках которого обучающиеся получают знания по музыкальной теории, фортепиано, сольфеджио и гармонии. Курс «современное дирижирование», где студентам предлагается рассмотреть основные дирижерские техники. А также, правда частично, курс «Оркестровое дирижирование и практика», в ходе которого студенты изучают различные музыкальные произведения и художественные стили. Во-вторых, особое место при подготовке дирижёра занимает обучение его различным техникам исполнительского мастерства, т.е. практическим навыкам. Например, существует целый отдельный курс «Чтение партитур». В рамках этого курса обучающиеся тренируются анализировать партитуры при помощи органов слуха, письменно разбирать структуру симфонических фрагментов, вокально исполнять отдельные партии. Стоит также отметить, что занятия в рамках этого курса проходят индивидуально. Сюда можно отнести и уже упоминавшийся нами курс «Оркестровое дирижирование и практика» в рамках которого обучающиеся разучивают различные техники дирижёрского искусства, формируют свой особый стиль исполнения. Особенно стоит выделить курс «Инструментальное дирижирование», который студенты осваивают в самом конце обучения. В ходе занятий по этой учебной дисциплине будущие дирижёры оттачивают свой стиль, совершенствуясь в различных техниках, а также пробуют свои силы на практике, управляя камерным оркестром национальных инструментов.

Подводя итоги, мы можем сказать примерно следующее. Современная народно-инструментальная оркестровая культура Китая складывалась на протяжении многих столетий. До середины XIX века можно сказать, что музыкальная культура Китая была аутентичной, с ярким отпечатком местного колорита. В дальнейшем, после насильственного открытия Китая, в музыкальное искусство этой страны начинают проникать европейские и американские идеи, в какой-то момент даже угрожая ему потерей идентичности. Благодаря неравнодушным общественным и культурным деятелям, китайцам удалось сохранить музыкальное своеобразие своей страны, вобрав при этом всё полезное, что было на западе, Америке и советском пространстве. По сути, современные народно-инструментальные оркестры Китая представляют собой синтез западной,

американской, частично советской музыкальной культуры при ощутимом сохранении собственного колорита.

Разнообразие инструментов, используемых в народно-инструментальных оркестрах, большое количество музыкантов, синтез различных стилей, специфичность народной музыки как таковой предъявляют особые требования к дирижерам этих оркестров. В Китае их подготовке уделяется большое внимание. В пекинской консерватории действует дирижерский факультет с программами бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, где будущие дирижеры проходят особую подготовку. По выходе из университета дирижер должен хорошо разбираться в различных музыкальных инструментах, в частности традиционных китайских, ориентироваться в музыкальных произведениях мировой и национальной культуры различных эпох, владеть различными техниками дирижирования и уметь руководить оркестром. Особо стоит отметить, что в обучении будущих дирижеров в пекинской консерватории не стремятся к унификации (за исключением базовых музыкальных навыков), а стараются сделать так, чтобы из каждого подопечного вырос уникальный и неповторимый дирижёр со своим стилем и представлениями.

Литература:

1. Central Conservatory Of Music. – URL: <http://en.ccom.edu.cn> (дата обращения 20.06.2025).
2. Lornell, K. Defining American Folk Music / K. Lornell // *Introducing American Folk Music*. – New York: McGraw-Hill College, 1993. – С. 10.
3. Ван Цзяньюань. Размышления о диверсификации и инновациях в составе китайского национального оркестра // *Музыкальные исследования (Журнал Сычуаньской музыкальной академии)*. — 2003. — № 4. — С. 1-2.
4. Карпелес, М. Название и природа народной песни / М. Карпелес // *Введение в английскую народную песню*. – Оксфорд: Оксфордский университетский пресс, 1973. – С. 2.
5. Лин Люй. Краткое объяснение изображений национальных музыкальных инструментов из ДаТунской музыкальной ассоциации — также о Датунской музыкальной ассоциации и её основателе Чжэне Цзиньвэне // *Музыкальные инструменты*. — 1982. — № 1. — С. 3-4.

6. Сигер, Р. С. Почему американская народная музыка для наших детей? / Р. С. Сигер // Американские народные песни для детей дома, в школе и детском саду. – Гарден-Сити: Даблдей энд Компани, Инк., 1948. – С. 21.
7. Сломинская Р.Н., Цзян Ицюнь. К проблеме обучения дирижеров народно-инструментальных оркестров Китая // Sciences of Europe. 2016. №4. – С. 62-64
8. Чэнь Сицзэ Доц Современное состояние оркестров народных инструментов в вузах провинции хэйлунцзян // МНКО. 2022. №3 (94).

Философские науки

Балабанов Т.А.

Аспирант кафедры «Философия и мировые религии»

Донской государственной технической университет

ФЕНОМЕН НЕСОГЛАСИЯ С НАЛИЧЕСТВУЮЩИМ МИРОМ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье осуществляется философский анализ феномена несогласия человека с реальным миром как фундаментальной экзистенциальной проблемы. Рассматриваются концепции свободы, ответственности, заброшенности и страдания в работах ключевых представителей экзистенциализма и смежных философских направлений. Анализируется диалектика свободы и бремени в философии Ж.-П. Сартра, онтологический статус бытия-в-мире у М. Хайдеггера и пессимистическая доктрина А. Шопенгауэра. Особое внимание уделяется механизмам смыслообразования как способам преодоления экзистенциальной неопределённости и природе страдания, возникающего из-за разрыва между субъективными проектами и объективной данностью.

Ключевые слова: экзистенциализм, свобода, ответственность, заброшенность, экзистенциальное страдание, несогласие с миром.

Keywords: existentialism, freedom, responsibility, abandonment, existential suffering, disagreement with the world.

Проблема несогласия человека с окружающей его действительностью представляет собой одну из сквозных тем философской рефлексии, приобретающую особую остроту в эпохи десакрализации мира и крушения метафизических систем. С утратой трансцендентного гаранта смысла, каковым выступало божественное бытие, бремя фундаментирования реальности и её ценностного наполнения ложится исключительно на человеческое усилие. Этот переход от гетерономной к автономной этике и онтологии порождает глубокое экзистенциальное напряжение, выражающееся в ощущении фундаментального разрыва между субъективным проектом и объективным положением дел. Настоящая статья посвящена анализу данного феномена через призму экзистенциальной философии, рассматривающей это несогласие не как психологическую аберрацию, а как сущностную характеристику человеческого способа бытия. Целью

исследования является систематизация и осмысление различных философских подходов к проблеме свободы, ответственности и страдания, возникающих в ситуации, когда мир перестаёт восприниматься как предустановленная гармония и предстаёт полем для самоопределения, полного рисков и трагических коллизий.

Экзистенциальное страдание, в отличие от физической боли, проистекает не из телесного повреждения, а из мучительного ментального переживания фундаментального разлада между желаемым и действительным. Оно возникает как реакция на неотвратимость неприемлемых последствий, на утрату значимых элементов бытия или на осознание конечности и хрупкости собственного существования. Уровень этого страдания напрямую детерминирован экзистенциальным компонентом, то есть степенью вовлечённости утраченного или недостижимого в ядро личностного проекта. Так, потеря голоса для оперного певца, даже не сопровождающаяся физической болью, оборачивается трагедией, поскольку разрушает саму основу его идентичности и способа самореализации в мире. В то же время аналогичная утрата для работника промышленного предприятия, чья деятельность не связана с вокальными данными, может не вызывать столь глубоких страданий, так как не затрагивает центральных для него жизненных смыслов [7, с. 336]. Таким образом, экзистенциальное страдание оказывается тесно связано со структурой ценностей индивида и значимостью той или иной способности для осуществления его жизненного замысла. Оно обостряется в ситуациях тяжёлого нравственного выбора, когда человек остаётся один на один с необходимостью принять решение, любой из вариантов которого повлечёт за собой моральные издержки и бремя ответственности за необратимые последствия [5, с. 27].

В экзистенциальной плоскости человеческого бытия обнаруживается фундаментальная проблема «заброшенности» как состояния онтологической неопределённости, требующего от человека непрерывного усилия по самоконструированию и смыслополаганию. П. Д. Тищенко метафорически определяет эту неукоренённость как «экзистенциальную рану», которую человечество на протяжении всей своей истории пытается исцелить посредством создания всё новых мировоззренческих и ценностных систем [3, с. 229]. Важно подчеркнуть, что данное состояние не является преходящим историческим кризисом, но представляет собой неустранимую, константную характеристику человеческого существования. Каждая культурно-историческая эпоха порождает собственные сложные механизмы преодоления этой фундаментальной неопределённости: от мифологических и космологических

моделей, объясняющих мироустройство, до строгих этических кодексов и социальных институтов, регламентирующих поведение. Однако трагизм человеческой ситуации заключается в неизбежной исторической конечности и последующей деконструкции этих смысловых конструктов. То, что для одного поколения выступало незыблемой истиной, для последующего становится предрассудком или иллюзией. Парадоксальным образом, именно эта циклическая несостоятельность человеческих проектов по окончательному самоопределению и «закрытию» вопроса о смысле становится главной движущей силой культурной и духовной эволюции, понуждая каждое новое поколение к творческому переосмыслению и обновлению содержания человеческого в постоянно меняющихся исторических контекстах.

В экзистенциалистской мысли Жан-Поля Сартра вопрос ответственности за существование мира обретает радикальное звучание, поскольку мир, «лишённый божественного основания», удерживается исключительно человеческим проектом. Сартр постулирует, что человек, будучи «обречённым на свободу», не имеет возможности переложить ответственность за мироустройство на какую-либо внешнюю инстанцию, будь то Бог, природа или общество. Если в мире должны быть реализованы справедливость, смысл или порядок, то их создание становится задачей самого субъекта, его персональным выбором и действием [1, с. 59]. Такой подход вскрывает амбивалентность свободы: она не только дарует безграничные возможности для самореализации, но и налагает непомерное бремя, справиться с которым индивиду удаётся далеко не всегда. Именно из этого невыносимого груза ответственности рождается феномен «бегства от свободы», когда человек стремится объективировать себя, представить своё бытие как вещь среди вещей, детерминированную внешними обстоятельствами, чтобы снять с себя ответственность за собственный выбор и, как следствие, за облик мира. Это погружение в анонимную повседневность, которую Мартин Хайдеггер описывает как растворение в усреднённом «das Man», позволяет на время забыть о своей уникальности и фундаментальной свободе. Тем не менее, согласно Сартру, лишь через полное и мужественное принятие ответственности за мир возможно обретение подлинного, аутентичного существования, что и составляет одну из ключевых тем его философии.

Экзистенциальное понимание человеческой свободы у Сартра фундировано радикальным онтологическим дуализмом бытия-в-себе и бытия-для-себя. Сознание, или бытие-для-себя, определяется как «ничто», как чистая негативность, разрыв в плотной

ткани бытия, что и обуславливает его абсолютную автономию в проецировании себя в будущее. Свобода и сознание оказываются тождественными структурами, поскольку сознание существует лишь как акт самотрансцендирования и спонтанного самоконструирования. Сартр решительно утверждает приоритет существования над сущностью, что означает отсутствие априорной человеческой природы или предустановленного предназначения [2, с. 114]. Человек есть то, что он из себя делает, он – совокупность своих поступков, свой собственный проект. Оказавшись в мире без абсолютных ценностных ориентиров, «заброшенный» в ситуацию тотального выбора, он несёт ответственность не только за свою индивидуальную судьбу, но и за образ человека как такового, который он утверждает своими действиями. Это осознание порождает неизбежное внутреннее напряжение, экзистенциальную тревогу как головокружительное переживание своей безграничной и ничем не гарантированной свободы перед лицом бесконечных возможностей.

Фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера предлагает иное, отличное от сартровского, истолкование человеческого бытия, основанное на концепте «вот-бытие». В отличие от сартровского сознания, противопоставленного миру, «вот-бытие» изначально и сущностно характеризуется как «бытие-в-мире». Эта включённость не сводится к простому физическому нахождению объекта в пространстве; она означает первичную практическую и аффективную вовлечённость, осмысленное пребывание в целостной структуре взаимосвязей. Мир раскрывается для «вот-бытия» не как совокупность объектов для познания, а как подручное, как контекст заботы. Ключевую роль в этом раскрытии играет настроенность, которая не является простым психологическим состоянием, но представляет собой фундаментальный способ онтологического постижения, раскрывающий человеку его фактичность, его «уже-бытие-в-мире». Именно через настроенность «вот-бытие» обнаруживает свою «заброшенность» – тот факт, что оно всегда уже находится в определённой исторической, культурной и личной ситуации, которую оно не выбирало. Однако эта заброшенность у Хайдеггера не является источником отчаяния, как у Сартра, а выступает онтологически заданным условием, исходной точкой для любого проекта [4, с. 42]. Она раскрывает не произвол и пустоту, а данность экзистенциальной структуры, в рамках которой только и возможно осмысленное существование и понимание.

В философии Артура Шопенгауэра несогласие с миром достигает своего метафизического апогея, представляясь не частной проблемой, а сущностным законом

бытия. Шопенгауэр рассматривает диалектику очарования и разочарования не как случайную цепь событий, а как фундаментальный, телеологически обусловленный механизм мироздания. Этот механизм призван систематически подрывать веру субъекта в возможность счастья и достижения гармонии в рамках эмпирической действительности, формируя у него критическое и, в конечном счёте, отрицающее отношение к самим жизненным ценностям. Философ развивает последовательную метафору экономической несостоятельности бытия, характеризуя мир как вечного «банкрота», который никогда не покрывает издержек, а жизнь — как заведомо нерентабельное предприятие, где страдания всегда превалируют над радостями. Всякое удовлетворение мимолётно и лишь открывает путь к новой неудовлетворённости и скуке [6, с. 63]. Подобная радикальная деконструкция аксиологических оснований существования направлена на достижение высшей философской цели — переориентации волевого импульса человека. Разочарование в мире явлений должно привести к осознанию иллюзорности индивидуальных целей и к отвращению от слепой, ненасытной мировой Воли, порождающей вечный круг страданий. Экзистенциальное разочарование, таким образом, рассматривается в пессимистической традиции Шопенгауэра как необходимый и спасительный этап освобождения сознания от власти иллюзий и ложных целеполаганий, ведущий к аскетическому угасанию воли к жизни.

Проведённый анализ демонстрирует, что феномен несогласия с реальным миром является сложным и многоаспектным явлением, укоренённым в самой структуре человеческого существования. Философская мысль, в особенности экзистенциализм, предлагает различные оптики для его осмысления, но сходится в признании его фундаментальности. Для Сартра это несогласие проистекает из бремени абсолютной свободы и ответственности в мире без гарантий. Для Хайдеггера оно смягчается изначальной «встроенностью» человека в мир, хотя и не снимает проблемы аутентичного выбора в условиях «заброшенности». Цикличность создания и крушения смысловых систем подчёркивает перманентный характер человеческого усилия по преодолению онтологической неопределённости. Экзистенциальное страдание выступает конкретным индикатором этого разрыва, а пессимизм Шопенгауэра доводит его до логического предела, предлагая в качестве решения не примирение с миром, а отказ от него. В конечном счёте, все рассмотренные подходы, несмотря на различия в выводах, солидарны в одном: несогласие с миром есть не дефект, а неотъемлемое свойство мыслящего и

действующего субъекта, вынужденного постоянно творить свой смысл в реальности, которая сама по себе его не содержит.

Литература:

1. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб., 2012.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000.
3. Тищенко, П. Д. Экзистенциальный смысл проектов конструирования человека / П. Д. Тищенко // Человек.RU. – 2020. – № 15. – С. 229-243.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997.
5. Хубулава, Г. Г. К вопросу о боли как физиологической, онтологической и экзистенциальной категории. Феноменологический подход / Г. Г. Хубулава // Медицина и организация здравоохранения. – 2017. – Т. 2. – № 4. – С. 25-36.
6. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
7. Svenaeus F. (2020). To die well: the phenomenology of suffering and end of life ethics. *Medicine, health care, and philosophy*, 23(3), 335–342. <https://doi.org/10.1007/s11019-019-09914-6>

1.

